

Стенограмма
Круглого стола «Послевыборная ситуация
и формирование нового политического спектра»

12 апреля 2012 года

О.М.Здравомыслова (*исполнительный директор Горбачев-Фонда*).

...Мы всегда подчеркиваем, что в Горбачев-Фонде собираются для обсуждения самых актуальных, острых вопросов общественной жизни мыслящие люди разных взглядов. Хотелось бы с помощью собравшихся сегодня социологов, политологов, политиков оценить ситуацию, которая складывается после окончания выборного цикла с точки зрения формирования нового политического спектра и прежде всего его левого и социал-демократического фланга, не только изнутри, но в более широком контексте.

М.С.Горбачев (*экс-президент СССР, Президент Горбачев-Фонда*).

Необходимо собираться. «Российская газета» сегодня в подзаголовке написала, что президент продемонстрировал поддержку большинству в Думе. Остальные опять вычеркнуты. Тем более надо защищать, цепляться и доказывать, что им не обойтись без такого течения, как инакомыслие.

О.М.Здравомыслова. Мы хотели бы особо поблагодарить Гавриила Харитоновича Попова, который пришел на наше собрание. Он не так часто в последнее время к нам приходит, даже, скорее, редко. Мы знаем, что у Гавриила Харитоновича есть концепция, особый взгляд на левое и социал-демократическое движение в России и его задачи.

Как будто специально к нашей дискуссии в «Новой газете» появились последовательно три статьи Лилии Шевцовой, Владимира Наганова и Сергея Алексащенко, позиции которых очерчивают спектр точек зрения, существующих сейчас. И это своего рода точка отсчета, с которой мог бы начаться наш разговор.

Из статей становится ясно, что все трое более или менее сходятся в оценке того, что произошло в российском обществе, начиная с декабря 2011. И отдают должное тем победам, которые одержало гражданское движение, начавшееся в России, разбудившее общественную жизнь, которая очень долго оставалась полумертвой или замороженной. Они ставят вопрос о том, как вели себя политики в этой ситуации, оценивают их критически (Наганов выступает здесь наиболее негативно и резко).

Авторы трех статей расходятся в оценке перспектив общественного движения и ситуации в целом - что, конечно понятно.

Шевцова делает акцент на том, что, возможно, власть не двигается или продолжает наступать, и поэтому надежды мы возлагаем на по сути дела революционное движение «снизу». Наганов говорит о том, что необходим единый лидер, и это будет главное, чем оппозиция должна заняться сейчас. Алексашенко, напротив, отвергает саму идею единого оппозиционного лидера, выдвигая концепцию создания политической команды.

Я думаю, что эти позиции мы должны иметь в виду и как-то к ним отнестись.

Теперь по регламенту. У нас не будет докладов. Есть вопросы. Мы предполагаем, что по ним выскажутся все желающие. Форма разговора - свободная дискуссия.

Г.Х.Попов (*президент Международного университета в Москве, президент Фонда Плеханова*). Я хотел бы поблагодарить и Фонд, и руководителей за приглашение и возможность выступить. Я считаю, что ситуация действительно очень важная и острая в России. Я, несмотря на все обстоятельства, прилетел в страну на несколько дней.

Я хотел высказаться сразу, по всем вопросам, потому что они все взаимосвязаны, и нет смысла двигаться по кусочкам. Поэтому, может быть, я что-то пропущу, а что-то скажу.

Первый вопрос относительно самой ситуации. В принципе прошли одни выборы, прошли другие выборы. С моей точки зрения, чего-то особенного не было ни там, ни там. Как и на прежних выборах было два главных участника. С одной стороны, правящая, сплотившаяся бюрократия, организованная уже в какую-то структуру. С другой стороны, я условно называю – лузеры всех видов, которые или были выгнаны из политической жизни в свое время или не добрались до политических постов или ни на что сейчас не рассчитывают и т.д. и т.д. Это все большое количество претендентов – с одной стороны. А, с другой стороны, те, кто не собирается их ни к чему допускать. Тоже совершенно очевидно.

С этой точки зрения я ничего нового не вижу в этой кампании: как и в предыдущие выборы всё то же самое.

Что нового? Новое – это митинги и вышедшие на улицу тысячи людей. Что это за люди? Это полное несовпадение с тем, что было в 89-м или в 90-м году. Это не трудящиеся массы. Это не низшие слои общества, недовольные уровнем жизни или чем-то еще. Фактически там два компонента. Это более развитые слои интеллигенции и достаточно развитые слои малого и среднего бизнеса. Других серьезных участников в этих самых митингах я пока не вижу. С этой точки зрения и приходится проводить анализ дальше.

Самое существенное, на мой взгляд, состоит в том, что как вели себя эти массы, которые пришли на митинги. Это видно по выборам. Результаты выборов показали, что максимальные те 7%, которые сумел получить Прохоров, - примерно те 7%, которые в свое время максимально и в свои лучшие годы получал Явлинский, как вы помните. Большого ничего тут я не увидел.

И с этой точки зрения мне представляется, что митинги не дали результатов. В каком смысле не дали результатов? Они не дали результатов в том смысле, что люди, которые пришли туда и внимательно выслушивали всех, не услышали то, что они хотели услышать. Если бы они услышали,

начался бы традиционный маховик: верхняя интеллигенция начала бы работать со следующим слоем – время было достаточно. Следующий слой стал бы работать с низшими слоями интеллигенции – учителями, врачами и т.д. Ничего этого не было. Те, кто был на митингах, никакого толчка для того, чтобы начать работать с окружающими людьми, не получили. Значит, они не получили ни одного ответа на интересующие их вопросы.

Поэтому я думаю, что все политические силы оппозиции имели возможность выступить на митинге, все выступили, и никто не смог сказать то, что ждали стоящие там тысячи людей.

Я делаю для себя единственный вывод, который в таких случаях можно сделать. Основная проблема состоит в том, что если какое-то оппозиционное движение в России будет, то оно должно услышать не то, что говорили им на всех этих митингах те, кто там выступал. Они должны увидеть и услышать новую платформу.

Поэтому для меня сейчас главная проблема – это проблема платформы или проблема ниши, что, собственно, нужно и что, собственно, ожидали все эти люди, которые ходят на митинги, и продолжают ждать сейчас.

Думаю, несколько своих соображений, если вы позволите, выскажу по поводу этой самой платформы. Фактически, на мой взгляд, сейчас надо начинать не с политических движений. Имеется ли в обществе ниша, в чем она состоит. И тогда уже второй вопрос: как эту нишу будут заполнять политические лидеры, движения, партии и т.д. и т.д., как они в нее будут вписываться.

На мой взгляд, существует несколько принципиальных вопросов, которые могли бы составить эту нишу. Я их коротко перечислю. Сначала я бы сформулировал общее: чего же хотят эти люди? Я думаю, они меньше всего хотят новой власти, которая снова будет ими командовать в нужном направлении, то есть будет идти им навстречу, что-то делать и т.д. Если это так, то они бы не так себя вели. Поэтому я прихожу к выводу, что они хотят

сами действовать. Они хотят иметь власть, при которой они смогут сами решать свои вопросы. То есть власть должна выдвинуть такую платформу, при которой эти силы интеллигенции и среднего и малого бизнеса могли бы начать действовать активно, самостоятельно и т.д.

Если бы они искали нового лидера, как говорят сейчас в статьях (я смотрел) или новую партию, то они кого-нибудь бы нашли, в конце концов. Уж хороших слов было столько много сказано. Они, по-моему, не ищут ни лидера, ни партии. Они ищут возможности самим работать и поддерживать ту партию, которая даст им возможность действовать.

Что-то похожее, на мой взгляд, с ситуацией 17-го года и российским крестьянством. Российское крестьянство само готово было разрешить все проблемы земли и т.д., но им нужна была партия, которая, грубо говоря, подняла бы им шлагбаум и сказала: делите землю, действуйте, как хотите и т.д. и т.д., что большевики тогда и сделали.

Теперь коротко относительно того, что, на мой взгляд, представляется актуальным. Первое – это создание нескольких условий для возможности самостоятельных демократических идей. Условие первое. Надо иначе создать в стране всю систему выборных, избирательных кампаний, комиссий и т.д. и т.д. Все люди, которые ведут выборы и занимаются выборами, должны быть полностью независимы от всех властей, которые в стране существуют. Это значит, должен быть какой-то избирательный налог. Деньги должны поступать в фонд. И за счет этого фонда должна существовать и Центральная избирательная комиссия. Причем сначала должны избираться избирателями местные избирательные комиссии. Они должны избирать избирательную комиссию следующего уровня. Избирательные комиссии следующего уровня избирают Центральную комиссию. Никто больше, кроме избирателей и дальше самих избирательных комиссий, в этой системе участвовать не будет.

Все остальные призывы к честным, независимым и прочим выборам и т.д., на мой взгляд, являются утопиями.

Второй вопрос. Такая же система нужна в судах. Система судов должна стать независимой. Должен быть реализован закон Керенского. Он, на мой взгляд, лучший в истории России, который был по поводу судов. Избираются народом мировые судьи, а все остальные судьи избираются судьями. Мировые судьи избирают губернских судей. Губернские судьи на своем съезде избирают верхние судьи.

Опять-таки отдельный независимый налог, деньги от которого поступают только судьям, и никаких других денег в эту систему больше не затачивается. Они живут за деньги самостоятельно. Все бывали за границей и знаете, что наибольшее впечатление производят здания судов в Америке. Это огромные здания. Видно, что эти люди ни от кого не зависят. На самом деле ни от кого не зависят.

Третья позиция, которая тоже, на мой взгляд, требует полного пересмотра. Это система средств массовой информации, особенно электронных средств. Эта система тоже должна быть полностью автономной, выделена в отдельную систему четвертой власти. Журналистов должны избирать народ и журналисты. Съезды журналистов должны избирать палаты информации городов, районов, областей, страны, в конце концов. Опять-таки особый налог с особой финансовой независимостью от всего остального. И тогда можно рассчитывать, что эти три системы – избирательные комиссии, суды и средства массовой информации могут обеспечить дальнейшие мероприятия в стране, которые хотелось бы сделать.

Теперь относительно дальнейших мероприятий. В отношении экономики. Для меня представляется вполне достаточной и вполне убедительной программа, выдвинутая в наиболее развитой экономической стране США, движения «Захвати Уолл-стрит». Все пункты этой программы я считаю вполне исчерпывающими и убедительными. Пункт первый – полный разгром банковского и финансового капитала. Не должно быть ни частных банков, не должно быть ничего с ними связанного. Я думаю, это абсолютно

правильная идея. Для населения должны быть сберегательные кассы, для малого и среднего бизнеса – общество взаимного кредитования – и всё.

Финансовый капитал, который захватил сейчас господство в мире, должен быть отстранен.

Вторая позиция в экономике – полный разгром бирж, их ликвидация. Я повторяю: движения «Захвати Уолл-стрит», я ничего тут не выдумываю.

Акционерный капитал остается только как небольшая вспомогательная система, где участники предприятия – сами собственники. Во всех остальных случаях не торговля акциями, ничего не происходит. Это следующее положение в области экономики, которое есть.

Дальше, на мой взгляд, необходимо полное изгнание частного капитала из сферы добычи нефти, газа и природных ресурсов.

Дальше должна быть ликвидация крупных производственных структур, децентрализация, разукрупнение, которое там было, которое есть.

В отношении государственного сектора. Из него надо изгнать частный сектор, который, имея небольшие вкрапления в государственный сектор, контролирует государственный сектор в тех или иных формах. Это я называю модель Березовского: получить 2% и контролировать огромную государственную структуру. Надо, чтобы в государственных структурах никаких частных не было.

Следующий пункт в отношении государственного сектора. Государственный сектор должен, как мне представляется, освободиться от всего, что может жить без государства и без чиновников.

Поэтому самое главное на предстоящие годы – сделать то, чего не сделали в 93-94-м годах. Тогда мы плохо ли, хорошо, но провели какую-то приватизацию в экономике, но полностью вывели из приватизации, разгосударствления науку, культуру, образование, здравоохранение, спорт. 60% страны осталось жить на социалистических началах. Этот урод, которого сейчас Россия представляет, - это частный сектор в экономике и

полностью большевистская государственная система в культуре, образовании, науке и везде. Он существовать не может. Интеллигенция и потому выходит на улицу, что она не может ужиться в той системе, которая сейчас происходит.

Поэтому надо полностью ликвидировать государство в образовании, культуре, в значительной части в науке. Роль государства в этих отраслях должна состоять не в том, чтобы чем-то командовать, а чтобы выделять деньги на те участки, которые государство считает нужным. То есть если брать мою область – университет, государство должно выделять гранты для студентов, а деньги в вуз может получить только от студентов и больше не от кого. Если он будет получать деньги от чиновников, то мы опять останемся в той системе, которая была раньше.

Казалось бы, небольшое изменение – сначала студенту, а потом вузу. Но это небольшое изменение полностью изменит все связи, которые там есть.

И, наконец, мне представляется, нужны будущие изменения в политической системе. Суть этих изменений, на мой взгляд (я тут стою в стороне от всех), - надо закончить с популистской демократией. Популистская демократия, где один человек, один голос, является главным препятствием на пути развития в нужном направлении.

Мне представляется, что надо реализовать идею, которую Михаил Сергеевич уже начинал реализовывать на Первом съезде, когда 1/3 мест была отдала интеллигенции. И не будь этой меры, никаких преобразований в Советском Союзе не было бы. Потому что по российскому съезду вы потом видели, где этой системы уже не было, мы видели, как он себя вел и что с ним происходило.

Надо обеспечить превалирование интеллигенции на всех уровнях и по всех возможностях в самых различных формах. Почему интеллигенция? Потому что это самый передовой, прогрессивный слой. Когда-то Маркс

считал самым прогрессивным слоем пролетариат и ориентировал социалистов на пролетариат. Уже Плеханов считал, что пролетариат перестал быть самым прогрессивным слоем. Надо ориентировать на интеллигенцию.

Я думаю, что надо ориентировать на интеллигенцию. И это перспектива и самая существенная перспектива.

Завершая свое выступление, хочу сказать, что сейчас, на мой взгляд, самое главное и существенное. Это обсуждение платформы. Кто займет эту нишу, о которой я говорю? Может занять и верх. Если верха решат проводить реформы, вступят на китайский путь, они могут ее захватить и взять все в свои руки. Если не верха, то из оппозиции наибольший шанс имеют люди социал-демократической идеологии. Поэтому в этом плане я вижу огромные и реальные перспективы для социал-демократии для того, чтобы стать лидером реализации тех потребностей, которые есть.

Я не касаюсь ситуации социал-демократии в мире. Но думаю, что в мире та же самая задача – задача разгрома финансового капитала и выхода из финансового капитализма. Та же самая задача смены правящего класса и перехода власти к интеллигенции в различных формах. И та же самая возможность для социал-демократии стать одним из лидеров в этом процессе.

Спасибо.

П.М.Кудюкин (*Институт проблем глобализации и социальных движений, НИУ ВШЭ*). Мы, видимо, с отвычки очень преувеличенно восприняли общественное оживление, рожденное реакцией на декабрьские выборы. На самом деле всплеск был весьма поверхностным. И достаточно логично, что он достаточно быстро сошел на нет. В сущности, тот кризис митингового движения, который ярко проявился буквально на следующий день после президентских выборов, был легко предсказуем. В том числе и потому (вопреки тому, что говорил Гавриил Харитонович), что не всем

давали высказаться. При организации митингов очень ярко проявился принцип: кто платит деньги – тот и заказывает музыку. Поскольку именно у наших официальных либералов были хоть небольшие, но финансовые ресурсы и был медийный ресурс, соответственно, трибуна была захвачена людьми, либо действительно представляющими даже в большей мере позапрошлого, чем прошлое десятилетие, людьми, в большинстве своем глубоко политически дискредитированными. Либо людьми неполитическими, и потому пользующимися все-таки пока что неким кредитом доверия.

При этом, за исключением разве что двух фигур, – Сергея Удальцова и Ильи Пономарева, левая часть спектра была полностью от трибун отсечена. Так что говорить о том, что все желающие получили возможность высказаться, – это сильное преувеличение. Действительно в известном смысле мы видим в несколько карикатурной форме проблему вековой давности с борьбой за гегемонию в освободительном движении. Притом что и либерал сильно измелечал за прошедший век по сравнению с достаточно героическими фигурами, скажем, как Союз освобождения и ранняя Кадетская партия. Конечно, люди типа Немцова, Касьянова и..., в общем, выглядят только карикатурой, не более того.

Движение захлебнулось в значительной мере потому, что действительно оно искусственно ограничивалось чисто политически избирательной проблематикой. Старательно избегались те лозунги и те проблемы, которые поднимались на митингах в провинции и которые реально могли бы быть вопросом для перехвата, в том числе и той массы, которую частично добровольно, частично насильственно вытаскивали на провластные мероприятия.

Власть вообще начала, видимо, не очень хорошо подумав, довольно рискованную игру. Опять-таки мы помним по началу прошлого века, чем закончились «зубатовские игрища» с попытками создания полицейского

социализма. В сущности попытки вытаскивать как раз потенциально левую массовую базу, своих массовых бюджетников, промышленных рабочих на провластные митинги означает - не очень осторожно их будить, раздавать им невыполнимые обещания. Более того, не просто невыполнимые обещания, а ситуация, когда обещают одно, а власть-то с лета начнет реализовывать прямо противоположные политические движения, направленные как раз против интересов этих массовых слоев.

Одновременно были предприняты действия. Власть поначалу непропорционально испугалась, опять же с отвычки. Не ожидали. Выборы 4 декабря были не чем не хуже всех предыдущих выборов. А что у нас в 95-м не было фальсификаций, в 99-м, в 2003, 2007? Что принципиально изменилось? Почему-то вдруг действительно что-то назрело в обществе, что определенная часть общества достаточно заметно вдруг возмутилась. И власть испугалась: она этого не ожидала. Впрочем, испуг казался достаточно преходящим. Она достаточно быстро пришла в себя и продемонстрировала это при проведении президентской избирательной кампании, при организации президентских выборов, четко пойдя на достаточно жесткую линию, отказалась от более гибкой политики поиграть во второй тур, беспроигрышной, без всякого риска с потенциальным соперником во втором туре.

При этом выборы выглядели бы гораздо более легитимными. Была бы изображена реальная борьба. И видимость честной победы была бы куда более убедительной.

Показателем этого испуга выступили инициативы по политической реформе. Хотя они не выглядят как некая импровизация. Похоже, что ее готовили заранее и готовили с вполне сознательными намерениями. Ведь изменения в законодательстве о партиях создают нам ситуацию, которую я как-то сравнил с таким явлением, когда самолет взлетает или садится при угрозе его обстрела самонаводящимися зенитными ракетами, он

отстреливает тепловые ловушки, которые отвлекают угрозу. В сущности, эта возможность создания массы партий (по-моему, уже 119 заявок в Минюсте, если не упустил, и не появились еще новые). Создание как раз таких тепловых ловушек.

Оттягивание потенциально оппозиционных голосов, их размазывание по этим десяткам потенциальных участников избирательного процесса и обеспечение продолжения существования крупных, уже закрепившихся в парламенте организаций. Но опять-таки кто-то потеряет больше, кто-то – меньше. А с учетом восстановления голосования по мажоритарным округам и по опыту знаем, что голосование в мажоритарных округах всегда является в большинстве случаев голосованием за партию власти.

Вся партийная реформа направлена на то, чтобы укрепить позиции. Как она будет называться – «Единой Россией», буро-фиолетовой Россией, Общероссийским народным фронтом – это не имеет никакого значения. Суть в том, что это будет партия нашего бюрократического капитала, которая надеется закрепить свою власть там еще на энное количество лет, а то и десятилетий.

Та эйфория - вот нам позволили создавать и регистрировать партии – в этом отношении крайне вредна, потому что отвлекает от реальных и гораздо более серьезных задач и реанимирует (как Маркс любил говаривать) парламентский кретинизм, к которому мы и так вообще более чем склонны.

Отвлекают от того, что вообще существующая политико-правовая модель в России тупикова. Она не преобразуема реформистским путем. Она может быть преобразованная только путем революционным. Этот революционный путь облегчается тем, что мы живем на основе правовой фикции. Конституция 93-го года, в общем-то, юридически принята не была. И если кризис дойдет до достаточно серьезной глубины, об этом вспомнят. Вспомнить могут с любой стороны, в том числе и со стороны власти, которая скажет: конституции вообще нет, значит, мы можем действовать как хотим.

Но при возникновении серьезного низового народного движения можем об этом вспомнить и мы и сказать: извините, вопрос о власти должен решаться так, как он решается в дореволюционной эпохе. Наиболее приемлемый и легитимный способ – это Учредительное собрание. Гавриил Харитонович ссылался на законы Временного правительства в других сферах. Я бы сказал: да, в России ведь был еще лучший в нашей практике избирательный закон – это закон о выборах в Учредительное собрание. Просто в готовом виде можно брать и использовать. В том числе он достаточно хорошо был приспособлен к той рыхлой, недосформированной партийной системе, которая существовала тогда в России и которая неизбежно существует и будет существовать в России в обозримой перспективе.

Но это упирается в то, что (еще раз говорю) пока что протест крайне верхушечный. Для того чтобы он стал действительно массовым, он должен выдвинуть те лозунги, которые интересны этой широкой массе. Опять же повторяю: это массовые слои бюджетников, это сильно размытый, но существующий промышленный рабочий класс, это значительные круги малого и мельчайшего бизнеса, в значительной степени неформального, поскольку формально ему просто работать не дают. И отчасти даже среднего бизнеса, который тоже испытывает давление этой бюрократии и бюрократического капитала. И с этой точки зрения выступают силы, заинтересованные в очень серьезных преобразованиях как минимум политического характера, изменения политической системы и экономической политики, но в целом изменения социально-экономической системы.

Несколько слов о ситуации на левом поле. С учетом того, что есть левые в современной России – вообще вопрос тяжелый. Мне, например, трудно называть левыми официальное руководство КПРФ с их консерватизмом, сталинизмом, национализмом и клерикализмом, когда,

скажем, последние заявления Зюганова мало чем отличаются от заявления Всеволода Чаплина. Но будем говорить: левые – это те, кто называет себя левыми. Пойдем на такое допущение.

Здесь мы видим чрезвычайно интересную ситуацию. С одной стороны, происходит углубление кризиса КПРФ. И как раз сподвижки в партийном законодательстве дают здесь некоторые надежды, потому что часть тех людей, которых поисключали из КПРФ, которые сами ушли из КПРФ, которые уходят из КПРФ, начинают движение по своей консолидации. Может появиться реальная, достаточно массовая партия.

Эти люди во многом являют собой идеологический скол все с той же самой КПРФ. С некоторыми улучшения, конечно. Там нет совсем оголтелых, нацистского толка националистов, сторонников Никитина. Но, конечно, там всякой твари по паре: и сторонники демократического социализма разных вариантов. и сталинисты – жесткие, мягкие, Но, тем не менее, процесс их самоопределения, пожалуй, будет проводить определенную селекцию и сдвигать эту потенциальную левую организацию все-таки в сторону более демократически социалистических принципов. По крайней мере, определенные основания для такой надежды есть. Это принципиально меняет ситуацию на левом поле.

С другой стороны, есть некоторая тенденция консолидации среди пестрого конгломерата не КПРФских левых организаций. Может быть, здесь наиболее яркие проявления были в Москве с Форумом левых сил в конце января. Достаточно пустопорожнее, к сожалению, мероприятие, но как некоторый символ имевшее смысл. Или тоже аналогичная конференция в Петербурге.

И последнее. Несколько слов по поводу перспективы создания объединенной социал-демократической партии. Я глубоко убежден, что так ставить вопрос было бы неправильно. Надо ставить вопрос иначе. Нужно

ставить вопрос о создании широкой демократической левой партии, далеко выходящей за пределы традиционно понимаемой социал-демократии.

Если вспомнить те разговоры, которые мы вели с Борисом Кагарлицким больше 30 лет еще в подполье, - организация от багровых до розовых, где левым крылом будут силы, схожие с российским социалистическим движением, которое здесь Илья Будрайтскис представляет, - выходцы из КПРФ; а правым – левое крыло «Яблока», социал-либералы из «Яблока».

Я прекрасно понимаю всю сложность формирования и объединения столь широко спектра, отягощенного массой и исторических, и актуальных противоречий, но как стратегическая задача – я считаю, что это вполне реалистично.

Спасибо.

О.М.Здравомыслова. Теперь уже участники обсуждения подают заявки, поэтому в порядке их поступления я буду предоставлять слово. Только прошу обратить внимание, что имеем некоторый регламент, то есть не более 10 минут.

Мое пожелание – реагировать на аргументы друг друга.

В.В.Петухов (*Институт социологии РАН*). Я все-таки представляю здесь, как и коллега Кертман, социологическое сообщество и буду говорить о том, что мы наблюдаем: какие изменения в обществе и какие тренды наметились за последнее время.

Отвлекаясь на просьбу ведущего, первое, что я хотел сделать, - это не согласиться с Гавриилом Харитоновичем Поповым – первым выступающим. Первый тезис – выборы мало что значили в общественной и политической жизни страны. Второе – соотношение социальных и политических сил обусловлено электоральным результатом тех или иных политиков, тех или иных партий. Мне как социологу это видится методически, методологически не совсем верно.

Мне кажется неправильным определять общественные изменения, сдвиги электоральными циклами. На самом деле латентные изменения происходят постоянно и происходят на протяжении уже многих лет. Я могу просто перечислить за недостатком времени те фундаментальные, на мой взгляд, серьезные сдвиги, которые произошли в нулевые и 2000-е годы. И в каком-то смысле то, что происходит сегодня, - это является отражением этих изменений.

Первое – изменение отношения общества к государству. От запроса на сильную власть и рукоплескания Путина в конце 90-х – начале 2000-х мы сегодня имеем стремление значительной части (не всех) общества максимально дистанцироваться от государства, минимизировать общение с ним, а если есть возможность, вообще покинуть страну. Это прежде всего относится к молодежи.

Второе – девальвация традиционных способов в политической самоорганизации, прежде всего партий и выборов. Поэтому когда мы говорим о перспективах партийной системы, ее новой конфигурации, мы должны иметь в виду, что сама партия как институт сегодня не пользуется доверием у населения. И та реформа, которая сейчас наметилась, могла быть воспринята обществом более-менее позитивно, кажем, в 2007-2009 годах. Сегодня это пройдет совершенно мимо внимания именно по этой причине. Об этом можно много говорить, но это факт. Поэтому когда говорят о..., мне кажется, ответственным политикам первую волну надо вообще переждать. Пускай эти карикатурные, смешные образования проявят себя, и потом уже можно заниматься серьезным партийным строительством.

Сегодня мы имеем четкое, совершенно ясное осознание обществом, что можно донести свои требования, реализовать свои интересы без посредников, без этих институциональных форм, каковы являются партии.

Как раз неоценимая заслуга митингов. Люди поняли, что они могут добиваться своих результатов самостоятельно, в рамках каких-то самоорганизующихся структур. Тут я согласен с Гавриилом Харитоновичем.

Какие еще изменения? Колоссальные изменения, связанные с тем, что фактически у большинства граждан исчез страх перед прошлым. Одна из самых успешных политтехнологических новаций всех предыдущих избирательных кампаний – это торговля страхом: если не так проголосуете, вернутся Сталин, Ельцин, страх 90-х, страх сталинизма. Сегодня молодое поколение вообще не имеет никакого предубеждения против исторических аллюзий. Они их совершенно не интересуют и не волнуют.

Самое существенное – это то, что фактически этот запрос на стабильность, который олицетворял ныне действующий или еще пока будущий президент, сегодня тоже в значительной степени исчерпал свой потенциал. В соотношении стабильность-перемены постоянно наблюдается тренд в сторону увеличения числа людей, которые готовы пожертвовать стабильностью ради каких-то существенных изменений в стране.

Теперь по поводу самого общества. То, что говорилось. 7% - это тот потолок, который существует. Я должен еще раз повторить, что здесь электоральные выкладки не очень удачны. Потому что все-таки и политические и социальные структуры сложнее. Здесь линия размежевания проходит между активистским меньшинством (можно его как угодно назвать – креативным классом и т.д.) и, условно говоря, консервативным большинством. Все-таки не по линии доли процентов и огромного меньшинства. Я опираюсь на данные исследования: активистское меньшинство – это, как минимум, 25-30%, но никак не 7%.

Причем здесь вырисовывается очень интересная вещь. Само это соотношение во многом мифологично, потому что в этом активистском меньшинстве, конечно же, есть значительная доля тех, которые инкорпорированы во власть и поддержат эту власть или, во всяком случае,

декларируя свою прогрессивность. Это тот самый широкий класс предпринимателей, о которых Вы говорили. На самом деле они все инкорпорированы во властные отношения, прекрасно дружат с мэром и пэром и т.д. Ситуация, которая есть, их устраивает.

И, наоборот, в консервативном большинстве значительная доля тех, кто при определенных обстоятельствах может активно поддержать оппозицию и вообще общественное недовольство. Еще раз говорю: при определенных обстоятельствах. Пока это не так. И в этом смысле это соотношение очень подвижное. Оно может меняться в зависимости от разной ситуации.

Теперь буквально два слова по поводу левых и партийных перспективах различного рода коалиций. Мне кажется, что тут ситуация довольно забавная. То есть если смотреть на установки граждан с точки зрения их каких-то нормативистских представлений, как должно быть, что они считают правильным, то, конечно, Россия – левая страна и в каком-то смысле демократическая, потому что идеалом 2/3 россиян является какой-то некий аналог российского государства и общества всеобщего благоденствия... с какими, может быть, нюансами.

Но если мы смотрим реальные жизненные практики, то от этой левизны, конечно, мало что остается. В своей повседневной жизни бóльшая часть россиян, особенно молодежь, конечно, достаточно буржуазна, консьюмеристски ориентированная. Жизненные притязания в основном ориентированы на личный успех, личное преуспеяния, материальное в том числе. Поэтому ментально, может быть, они будут высказываться за левые идеи, но жить они будут, руководствуясь не этими идеями, к сожалению, а какими-то иными обстоятельствами жизни.

Это, например, мне кажется, очень хорошо видно именно как раз, как ни странно, в гражданских формах самоорганизации. Впервые, на мой взгляд, появились те структуры, которые действительно руководствуются в

своей деятельности какими-то альтруистическими мотивами, желанием принести пользу. К сожалению, все 90-е и 2000-е годы, практически весь третий... был предельно коммерциализирован. Подавляющее большинство так называемых НКО – это структуры, которые создавались в каком-то смысле либо для освоивания каких-то бюджетов, либо для зарабатывания денег. Были тоже все сплошь аффилированы с властью и с крупным или мелким бизнесом. И только сейчас мы наблюдаем некоторое дистанцирование вновь образовавшихся гражданских объединений от этих целей. Лига избирателей в этом смысле и наблюдатели. То есть действительно появилось сословие людей, которое готово работать в политическом, общественном поле в прямом смысле на общественных началах. Это, конечно, мне кажется, такой существенный новый сдвиг в общественных настроениях.

Я подобрал много разных цифр. Но, наверное, если будет еще возможность выступить, я кое-какими данными поделюсь. Но пока на этом закончу. Спасибо.

Б.Ю.Кагарлицкий (*Институт проблем глобализации и социальных движений*). Мое положение несколько облегчается тем, что Павел Кудюкин сказал очень много из того, с чем я не просто согласен, с чем я бы тоже выступил, будь слово моим. Все-таки тридцать лет совместного размышления сказываются, может быть, прервавшегося неоднократно. Но и совместная работа, возможно, тоже.

Я абсолютно согласен с тем, что декабрьско-февральское движение, которое, очевидно, уже выдохлось к марту, было достаточно поверхностным. Причем замечу, выдохлось, потому что оно становилось все более и более поверхностным даже на фоне того, что в Москве и Питере, особенно в Москве, численность участников протеста продолжала по инерции сначала возрастать, но при этом, если мы возьмем ситуацию, скажем, декабря и ситуацию февраля, то в масштабах страны она уже была абсолютно иной. То

есть в декабре (опять-таки я могу вам сказать по достаточно большой сети контактов, которыми наш Институт располагает) был определенный энтузиазм в провинции и, подчеркиваю, не только интеллигентский, во всяком случае, уж никоим образом не элитной интеллигенции, хотя бы потому, что такого слоя в провинции массово нет.

Как писала Анна Очкина – наш участник коллектива ИГСО в Пензе, для Пензы 600-700 или, тем более, почти под тысячу человек – это, наверное, в чем-то большее событие, чем 10-20 тысяч в Москве. Потому что все друга знают, и люди реально рискуют потерять работу. То есть вышел на митинг – тебя увидели, завтра можешь быть без работы и работу по специальности не найдешь уже в этом городе никогда. Риск очень серьезный.

Поэтому подъем был, и уже к февральским митингам он выдохся полностью. Провинция отвернулась от Москвы. Почему? Потому что она не увидела в московских митингах для себя ничего по-настоящему интересного. Хотя недовольство было очень большое. И заметим, что провал «Единой России» на выборах был прежде всего провалом не московским. Это был провал в регионах. Собственно, именно поэтому началась паника. Именно поэтому примерно в четыре часа дня по Москве было дано указание Избиркому что-то сделать, исправить ситуацию. Именно поэтому началось большое количество неподготовленных фальсификаций. И в этом смысле выборы действительно отличались от предыдущих, потому что на них (прошу прощение за вульгаризм) фальсификаторы ложились постоянно, то есть они постоянно делали ошибки, постоянно попадались, постоянно делали все на глазах у публики. Почему? Потому что падение избирательного рейтинга «Единой России» превзошло все их прогнозы, причем очень существенно – в разы. Оно было запланировано, но совершенно на другом уровне. Это вызвало панику, и начались панические действия с гротесками и последствиями, которые были у всех на глазах.

Пример из той же Пензенской области, из района. Сидит женщина в последние пять минут до закрытия избирательного участка. Тут кипа пустых бюллетеней, тут кипа бюллетеней, уже заполненных за «Единую Россию». Она судорожно, на глазах у всей кучи народа заполняет бюллетени за «Единую Россию» и складывает, чтобы потом нести и вбрасывать. К ней подходит кто-то из наблюдателей и спрашивает: «Вы что делаете?» Она говорит: «Не мешайте работать. Времени же мало осталось. Не понятно что ли?». Наблюдатель, кстати, отходит, он понимает: человек занят, работает. Ну чего поделаешь. Правда, потом жалуется, но это другой вопрос.

На таком уровне гротеска, конечно, выборы еще не проходили. О чем это свидетельствует? Это свидетельствует о том, что протестное движение действительно, на мой взгляд, достаточно поверхностно, притом что кризис катастрофически глубок. Это любопытный парадокс настоящего момента. Причем кризис глубок не только на уровне недовольства, но и на уровне стремительно падающей эффективности госаппарата, которая в свою очередь связана со структурным кризисом государства, который в свою очередь связан, на мой взгляд, с критическим состоянием той модели экономики, которая в России создалась, и с неспособностью воспроизводить эту модель экономики в условиях меняющейся глобальной ситуации. Отсюда все вытекающие последствия, включая кризис верхов и т.д.

То есть я думаю, что нам предстоят весьма драматические события. Кстати говоря, значительная часть функционеров власти это понимает. Потому-то, кстати, и некоторые меры власти являются гораздо более подготовленными, чем должны были бы быть, если бы мы их считали только вынужденным ответом на происходящие события.

Тут немножко другое имеет место. Есть разные тенденции внутри власти. И в определенной ситуации одна тенденция против другой использует события для проталкивания своей версии, скажем, политического курса. И наоборот: ситуация немножко меняется - отыгрывает другая

группировка. Я их на сайте gabkor назвал борьбой тупых и хитрых. Хитрые - с реформами, тупые – понятно, что делают.

Триумф тупых, который имел место в марте, на мой взгляд, будет подогреть ситуацию объективно. Причем опять же Павел указал на очень важный момент, что, с одной стороны, дали социальные обязательства, которые являются невыполнимыми. Дали их социальным низам или нижним средним слоям. А потом уже начинают политику и начнут проводить ее дальше более активно примерно с июля, которая как раз бьет именно по этим социальным слоям.

Но тут по поводу невыполнимости обязательств есть один нюанс. Я не думаю, что эти обязательства не будут выполнены. Технически они будут выполнены. В каком смысле? Соответствующие суммы денег в номинальном исчислении по соответствующим направлениям будут отправлены. Только это не приведет ни к какому счастью.

Реплика. ...распилят.

Б.Ю.Кагарлицкий. Кстати, необязательно распилят. Тут проблема же не в распиле как таковом. Это демагогия в духе Навального, что все крадут и пилят. Крадут и пилят – понятное дело. Более того, крадут и пилят больше, чем раньше. Но все те распилы, которые имели место в 90-е годы, - это просто детский лепет по сравнению с тем, что происходит сейчас.

Главная проблема не в этом. Главная проблема в том, что выделение средств, скажем, на социалку происходит при одновременном системном демонтаже тех структур, на которые эти средства выделяются. Вы, например, пустили поток воды в какой-то чан. Одновременно в этом же чане продырявили 50 дырок и вообще половина чана отпилили и приделали к другому чану, в который пустили серную кислоту. И потом удивляетесь, что у вас почему-то ничего не вышло.

Наоборот, эти меры как раз в сочетании социал-популистских мер с неолиберальным курсом приведут к катастрофическим последствиям. Хотя,

кстати говоря, заметив сочетание радикального неолиберализма в данном случае с анархо-коммунизмом – это то, что нам только что Гавриил Харитонович предложил в качестве рецепта для социал-демократии. На мой взгляд, более драматического сочетания придумать трудно.

В любом случае, что это будет? Инфляция, с одной стороны, увеличится, с другой стороны, так называемые получатели средств ничего не получат. В реальном содержании станет хуже. Мы получим удар с двух сторон, скорее всего. Собственно говоря, к этому все идет. То есть, власть действительно получает удары слева и справа сейчас. Главное – у нее практически исчезло поле для маневра. Вернее, тот маневра, который она проделала в конце февраля – начале марта, на мой взгляд, скорее, пойдет ей в перспективе во вред. Опять же полностью согласен с Павлом.

Теперь выводы. По поводу того, какая Россия, каково у нас население. Я, прошу прощение, очень не доверяю социологии... Давайте о настроениях говорить несколько осторожней, тем более что очень важная проблема у нас в России – матрица: сознание социолога накладывается на опрашиваемого. То есть люди вообще зачастую ставят вопросы не в тех категориях и думают не в тех категориях, которые им предлагают социологи.

Я могу честно заполнить все анкеты, расставить все галочки и это буду не я – абсолютно другой человек. На мой взгляд, реальная ситуация неплохо описывает: вот жалоба, идущая от либеральной интеллигенции, на левый популизм населения. Причем вот эта жалоба на популизм она связана с тем, что, с точки зрения либеральных кругов, население слишком многого хочет от власти и соответственно оно должно потуже затягивать пояса, побольше работать и само на себя полагаться.

Население действительно готово работать и на себя полагаться, но в условиях капитализма такой возможности не будет. При капитализме человек от себя не зависит. Поэтому либеральная идея о том, что человек сам себе хозяин, сам все сделает, – эта идея к реальному капитализму не имеет

отношения. Это некая идеологическая фикция и собственно именно поэтому well first state - социальное государство становится необходимым, потому что это единственный способ обеспечить человеку то, что он хочет.

И проблема с популизмом состоит в том, что, на самом деле, действительно, если уж брать популизм как жупел или как бранное слово (в качестве такового оно у нас в политическом лексиконе употребляется), на самом деле, конечно, российская политика должна быть и будет в той или иной мере популистской, потому что у нас социально-классовая структура крайне размыта, крайне рыхлая, крайне неустойчива. Поэтому у нас действительно до известной степени можно говорить, скажем, о низовой социальной массе, чем о классах того типа, как мы имеем в социологических моделях классического периода. Хотя, кстати, это относится вообще ко всем странам мира сегодня или почти ко всем.

И поэтому политика так называемого левого популизма или политика, которого будут обвинять в левом популизме, она, конечно, возможна и перспективна. Но эта политика возможна лишь при условии очевидного, последовательного, принципиально жесткого, открытого, демонстративного размежевания с либералами. И только в этих условиях.

И, кстати, когда мы говорим, что левым не дали слово – дали только двум левым на митингах, – это ведь только полдела, потому что когда вы даете два слова двум левым на митингах, вы видите, что ничего левого они сказать в этом контексте, в этой ситуации они не могут, потому что митинг не том. Та же самая история с повесткой дня – повестка дня не левая, в рамках этой повестки левые все равно себя обозначить могут в лучшем случае какими-то тоже демагогическими общими словами.

В этом смысле опять же роль левых ораторов на митинге, и кстати, их было не два, их было один-два человека – сводилась к легитимации либерального митингового процесса.

Заканчиваю. Перспектива левых состоит, на мой взгляд, в двух позициях.

Первая – в размежевании с либералами. В этом смысле значительная часть того, что сейчас называется социал-демократическим спектром, является на самом деле разновидностью либерального спектра, и с ними не может быть никакого объединения. И в то же время надо понимать, что у нас люди не то, чем они себя называют очень часто. То есть люди называют себя социал-демократами, а на самом деле это ультралибералы; люди называют себя сталинистами – на самом деле они социал-популисты и так далее. Поэтому никогда нельзя судить о человеке по тому, что он сам про себя говорит – особенно в России.

И в этом случае действительно возможно и необходимо достаточно широкое объединение, не очень оглядывающееся на ярлыки, которые люди сами на себя наклеивают... Но это объединение должно быть политическими. А это значит, что, например, абсолютно бессмысленно обсуждать вопрос о сущности СССР, о том, что было в СССР: что такое был сталинизм, как Вы относитесь к Сталину... А вот вопрос о том, как вы относитесь к президентским выборам, например, должен был бы быть решен (если бы мы это делали раньше) жестко, однозначно и с соблюдением дисциплины. То есть если уж решили – то решили. И показательно, что форма левых сил пошла ровно по обратному пути.

Давайте поговорим о том, в чем мы согласны или не согласны, чтобы все были счастливы, чтобы все было хорошо. А вот, скажем, политический вопрос про выборы президента, об отношении к митингам и т.д. мы политически содержательно решать не будем. И, естественно, потом после форума все расходятся по своим группам, и каждый занимается своим делом.

Я думаю, что в этой ситуации в России может возникнуть не одна левая партия, даже большая левая партия. Могут возникнуть две или три, а в том числе в ситуации, когда часть левых хочет дружить с либералами, хочет

быть левым крылом либералов – милости просим. Но, понятно, что это должна быть уже другая партия или другая организация. Или кто-то хочет сидеть дома, говорить, что митинги – это полная чепуха, что все это исключительно либеральная бредятина, что нам нужно готовиться к настоящей, чистой, правильной социалистической революции, которая произойдет на другой планете через 50 лет. Опять же есть такая точка зрения: ребята, сидите дома, готовьтесь и ждите.

Поэтому, я думаю, в России есть место для нескольких левых партий, но вполне возможно, что перспективы для левых движений в России есть. И эта перспектива будет зависеть не от партстроительства, не от усилий левых так называемых политиков или квазиполитиков, а от того, как будет развиваться социальное движение, от того, как будет жить провинция, в первую очередь, от того, что будет происходить в регионах, от того, поднимется или не поднимется хотя бы в какой-то форме рабочее движение сейчас – на что есть некоторые признаки. И в случае, если это действительно произойдет, то возникнет стихийно, естественно, та социальная почва - необязательно база, но почва, - на которой левое политическое движение может оформиться. Если этого не произойдет, то как бы мы ни собирались, как бы мы ни комбинировались, где бы мы ни сидели, что бы ни подписывали – ничего не получится.

Р.А.Доброхотов (*демократическое движение «Мы»*). Я постараюсь выступить короткими тезисами.

Во-первых, когда мы говорим о социальных настроениях, о том, как они меняются в последние месяцы, надо понимать, что мы должны в своей голове разделять настроения тех людей, которые ведут себя – дословно говоря – активно-пассионарно, и в целом социальные настроения в обществе. Потому что та группа, которая каким-то образом себя стала проявлять в последние месяцы, совсем необязательно каким-то образом пропорционально репрезентирует те ценности, те настроения, которые есть в

целом в обществе. Потому что, если мы говорим о тех людях, которые стали последнее время вести себя особенно активно, то это вряд ли больше, чем 5-6% населения, что абсолютно на самом деле нормально, если мы говорим о всех массовых протестных митингах – в какой-либо стране, в какой-либо период. Даже если мы, скажем, берем массовое выступление в России в 1991 году против ГКЧП и до этого: это тоже будет в районе 6-7 миллионов человек, которые выходили на улицы. Это в районе 5 процентов, может быть и меньше, населения. Этого числа более чем достаточно, чтобы в принципе сменить власть. Поэтому не надо пренебрежительно относиться к мыслящему меньшинству – оно на самом деле действительно делает историю. Но только надо понимать, что это мыслящее меньшинство не всегда совпадает с идеологией физического большинства населения.

Можем ли мы говорить о какой-то идеологии, когда мы говорим о массе населения? Я вообще на самом деле в этом не уверен. Мне кажется, для преобладающего большинства населения политические ценности ассоциируются с левыми или правыми взглядами, и идеология как таковая принципиального значения не имеет.

Более того, вот эти идеологические партии – условно говоря, партии со словом «социализм» в названии или «либерализм» в названии – они, мне кажется, все менее актуальными становятся и в западных странах. И вообще партии как институт и уж тем более партии, построенные на идеологии, даже в традиционных европейских демократиях, как мне кажется, имеют все меньшее значение. Наоборот, появляются партии, представляющие конкретные неидеологизированные интересы, такие как «Пиратская партия», «Экологическая партия» и т.д.

Ту же тенденцию мы видим и в России. И даже более активную, поскольку сам партийный институт у нас не очень популярен. И все-таки, конечно, это не значит, что мы не видим никаких идеологических изменений и тенденций. Все-таки я некое уважение к социологическим опросам имею,

тем более что это в данном случае совпадает с моими наблюдениями, если мы говорим о том вопросе, о котором я хочу сейчас сказать. Это опрос Левада-центра касательно именно идеологических пристрастий людей безотносительно партий, политиков и т.д. Просто людей спрашивали: «Какие взгляды вам более близкие?» Были довольно размытые ответы: что-то вроде «социалисты», «демократы», «патриоты» - в общем, какие-то такие категории, которые можно оспорить.

Но, тем не менее, тенденция там четкая: «условно патриоты» (как 10 лет назад, как 5 лет назад, как и сейчас) – в районе 4 %, точно так же «социалисты» имеют стабильно на протяжении последних 10 лет – около 10-11 %, а вот те, которых условно позиционируют как «демократы» (по-моему, они именно не «либералы», а «демократы»), - они выросли за последний президентский срок (4-5 лет) в два раза – изначально было около 7 %, а сейчас около 15% ассоциируют себя с такими взглядами. И это как раз в тот момент, когда из политической игры выпали демократические партии – «СПС» и «Яблоко»: не представлены в парламенте. И это, может быть, на самом деле взаимосвязано. Теперь люди, говоря: «Я демократ» или «Я либерал», они понимают, что их не отнесут автоматически к «СПСникам» или к «яблочникам». Им не хочется, чтобы их относили к ним, им просто хочется говорить об этих взглядах безотносительно партий.

И возможно, когда эти партии были представлены в парламенте, они тоже разделяли те же взгляды, но просто не называли себя таковыми, чтобы их не ассоциировали с Немцовым или Явлинским, и попадали в категории неопределившихся. Хотя именно категория «неопределившихся» за последние несколько лет сильно упала. Выросла категория тех, кто относит себя к демократическим взглядам.

Этот опрос проводился в целом населения, но особенно это заметно именно среди того мыслящего меньшинства, которое сейчас проявляет себя активно. И когда я слышу, что левым не дают трибуну, но это довольно

несправедливо, потому что, во-первых, помимо Удальцова и Пономарева было довольно много людей, условно говоря, из левых партий – это Гудков-старший и Гудков-младший, были какие-то люди из небольших движений, когда там было большое число выступающих – кто только себя не проявлял! Все, наверное, спектры представлены в довольно большом количестве.

Но самое главное, посмотрите - как люди ассоциировали себя в толпе. На проспекте Сахарова они построились по колоннам. Люди с красными флагами (их было около 2-3 тысяч), люди с имперскими флагами (примерно такое же количество, может быть, немного поменьше), огромное множество разных либеральных партий, движений – «Солидарность», «Яблоко», «касыяновцы» (в сумме 5-6 тысяч) и самая большая колонна – это люди, которые не захотели себя ассоциировать ни с какими партиями. Она была больше, чем все остальные вместе взятые. И соцопросы внутри митинга – левадовские и прочие – показывают, что эти как раз люди (из неопределившихся) они в основном разделяют либеральные взгляды. Их довольно легко понять, потому что сами эти протестные митинги в значительной степени появлялись и распространялись благодаря Интернету. И эта публика, которая сидит в Фейсбуке, пользуется Интернетом независимо от телевидения – это в основном люди либеральных взглядов. И это тоже в свою очередь можно понять.

Я недавно посмотрел те лозунги, о которых говорила Социал-демократическая коалиция имени Ильи Пономарева, Удальцова и прочих, так на самом же деле это практически все то же самое, что пытается пропагандировать Путин. Повестка дня Путина – популистская, она абсолютно левая. И когда социал-демократы уже независимо уже пытаются предложить, они просто повторяют Путина. Поэтому они не могут получить дополнительный электорат. И это на самом деле, мне кажется, логично. Потому что если мы посмотрим на то, как устроены наша экономическая и политическая системы, то все левые принципы они де-юре они в принципе

реализованы. То есть де-юре у нас есть бесплатное образование и здравоохранение, у нас вроде бы как большой процент ВВП идет на социальные расходы. И разгонять эту машину в сторону еще больших каких-то расходов – это голый популизм. А люди как раз – вот Кагарлицкий как раз и говорил о популизме – очень устали от него. Потому что люди всю левую риторику воспринимают как путинскую риторику, и все называют, в том числе и провинция, Путина «обещалкиным», и им это уже совершенно не интересно.

Сейчас то, чего не хватает, что в дефиците, - это либеральные преобразования. Это - защита прав собственности, конкуренция в самых разных сферах – ее нигде сейчас нет; это индивидуализм, который сейчас нигде не в почете. То, что у левых вызывает наибольшую агрессию и неприятие, аллергию – это то, что в последние десять лет дожималось, то, чего действительно не хватает. И поэтому если, как предлагает Кагарлицкий, социал-демократы отмежуются от либералов, это будет очень полезно для самих либералов, потому что именно либералы хотят сейчас избавиться от людей с левой риторикой. Например, они очень любят Удальцова, но как только Удальцов начинает что-то загибать в сторону левого популизма, реакция митингующих – это то, что молодежь называет, фейспаунд, т.е. – «зачем мы сюда пришли?» Точно так же националистические призывы – «Россия для русских»: митингующие освистывали националистов.

То есть нам надо признать, что 5-6% образованного меньшинства, которое сейчас составляет ядро протеста, это - либеральное ядро. И с этим надо считаться. Может ли социал-демократическая партия опираться на них или нет – это уже я не могу сказать, и у меня нет времени, чтобы эту тему раскрывать. Но просто мне хочется, чтобы мы осознали в целом тот тренд, который сейчас есть. Против него идти бессмысленно. Нет сейчас никакого левого электората. Он сейчас уже весь под «Единой Россией» и достать его

оттуда нельзя, потому что нельзя быть большим популистом, чем Путин. Путин всегда обыграет на этом поле.

О.М.Здравомыслова. Замечание по ходу: как показывает история, там, где социал-демократы и либералы полностью размежевываются, там побеждают националисты. Или какие-то радикальные силы.

Г.Мельконьянц (*ассоциация «Голос»*). Друзья, смотрите. Здесь, я думаю, что все-таки говорить о том, что на митингах были все те, кого что-то не устраивает, - это, конечно, не так. Потому что многие отсиживались дома, считали это через Фейсбук, социальные сети, смотрели телеканал «Дождь» и сочувствовали. Их было очень много. И на митинги люди приходили не из-за того, что на сцене выступают те, которые отражают их взгляды, а для того, чтобы показать какую-то солидарность друг с другом и почувствовать какое-то единение. И вот ради чего люди туда приходили. Поэтому считать, сколько человек было от левых, от правых – на сцене это бессмысленно, потому что люди не за ним туда приходили.

Соглашусь с тем, что они не слышали для себя четких установок, что делать дальше. И в этом была такая проблема. Но при этом была одна большая идея, которая прозвучала после думских выборов – это становиться наблюдателями. Я тоже выступал и тоже призывал людей идти в наблюдатели и потом я понял, что это была определенная ловушка прежде всего на несистемной оппозиции – призвать людей идти в наблюдатели. Это была такая вот у власти четкая стратегия, чтобы сделать эти выборы максимально легитимными.

Как это сделать? Путин предложил установить веб-камеры, и нужно было устроить большое шоу с наблюдателями: был специально организован корпус наблюдателей под Путина и внесистемная оппозиция, которая просто должна была бойкотировать эти выборы пока не разберемся с думскими, никаких президентских быть не могло. Но вот это все слилось – думские выборы оказались у нас где-то там далеко, все вступили в президентские

выборы и «зажевали» все серьезные фальсификации, которые происходили 4 декабря, и переключились все на президентские выборы, которые по сути были безальтернативными и наблюдать там было не за чем. Но при этом нужна была идея, какое-то предложение – что делать гражданам, куда направить этот протест, в какое русло. И эта идея с наблюдателями была достаточно хорошо подхвачена.

Мы видим, что, к сожалению, не удалось наблюдать зафиксировать какие-то массовые нарушения. Власть это понимала, поэтому она не мешала, например Зюганову, выдавать направление наблюдателям от Навального. Можно было позвонить и сказать: «Ты что, Зюганов? Зачем ты выдаешь направление наблюдателям от Навального?» Так никто не и позвонил, и Зюганов выдавал направление. И Прохоров выдавал направление. Все выдавали направление. И все в плане организации наблюдения никаких препятствий серьезных не было. И это была такая ловушка, чтобы потом показать: наблюдатели насчитали 53% у Путина, кто-то – 56%. И в итоге подтвердили результаты уже по сути как бы изначально не совсем легитимных выборов.

Потом возникла проблема – что делать с этими людьми? Образовались десятки тысяч людей, которые пошли наблюдателями, пошли осознанно – без денег, пошли для того, чтобы повлиять за честные выборы, по сути не имея каких-то своих кандидатов. Вчера я был в Санкт-Петербурге и там есть Ассоциация наблюдателей, которая обучила более 3 тыс. человек. И они сейчас вынуждены с этими людьми пытаться дальше работать, приглашать их для реализации каких-то локальных проблем, например – подъезды грязные, детские площадки и т.д., то есть масса местных проблем. Большую часть людей это уже не интересует. То есть это была акция, на которую люди готовы были пойти на один день, обучиться, за свой счет поехать на такси в какой-то дальний район – все это готовы были сделать. Но дальше что-то

делать эти люди уже не готовы. Потому что они, возможно, не верят, что они могут что-либо изменить или эти темы их больше не интересуют.

Поэтому на волне выборов – да, можно говорить, что активность была связана как раз с днем голосования (проконтролировать честность выборов), потом эти люди куда-то там у нас ушли. И я возлагаю большие надежды – как бы там кто-либо не критиковал инициативы Медведева – по поводу этих многочисленных политических партий. Там будет селекция, они будут так или иначе создаваться, распадаться, зависеть эти партии будут, ждать какого-то своего часа. Но я надеюсь – и я всем об этом говорю, что люди, которые шли гражданскими наблюдателями, они пойдут наблюдателями потом партийными. И это очень важно. Потому что не дело обычных людей – идти отстаивать интересы партий или кандидатов, которые вообще их не интересуют. Это нонсенс – когда идут наблюдатели на избирательный участки защищать кандидатов, которым они не верят, которых они считают подставными людьми. Но при этом они идут и наблюдают. Это очень странно было.

Я уверен, что сейчас эти люди должны влиться в ряды этих политических структур, которые будут создаваться, и уже идти от них наблюдателями идти, кандидатами. Вот это будет, я думаю, такая волна, которая будет, безусловно, востребована в ближайшее время, если эти партии будут зарегистрированы.

Что касается регионов – приведу пример. Хороший пример – ярославский. Может быть, многие слышали о том, что большая группа людей из Москвы – наблюдателей – опять же за свой счет путешествовала из Москвы в Ярославль для того, чтобы понаблюдать за выборами. Удалось обеспечить честные выборы в Ярославле - победил кандидат, не поддержанный властью. В период этой кампании было видно, что этот кандидат проигрывает, но при этом наблюдатели обеспечили честные выборы в день голосования.

Ситуация в Астрахани - то же самое. Сейчас видим, как этот нерв момента в Астрахани накален. Сейчас из Москвы люди едут поддержать астраханцев. Как действительно удалось получить эти видеозаписи, которые то пропали, то опять появились, что действительно сегодня Шеин выступает в областной Думе и ему удалось обеспечить трибуну, с которой попробовать донести на уровне Астрахани уже официально. По этому поводу высказались все органы власти, так или иначе отразив свою позицию. Мы видим, что эта общественная кампания, когда вовлекается большое количество граждан, она так или иначе влияет на власть и позволяет добиваться каких-то результатов. Но при этом эти люди, которые в Астрахани живут, астраханцы, они массово не участвуют в этих протестах – то есть порядка 200 человек. Эти люди сейчас высидиваются дома и боятся участвовать в этих митингах. Есть еще какой-то определенный страх. Поэтому если будет предложено этим людям институциональные инструменты для участия в каких-то акциях, в каких-то (я говорю про политические партии), убежден, что люди так или иначе откликнутся. И для того чтобы они откликнулись, необходимо, чтобы для людей были предложены понятные лозунги, совершенно понятные вещи, связанные с их жизнью. Пока эти сложные политические игры, которые люди видят среди политических партий, когда она устраивают какие-то разборки между собой, это, конечно же, отпугивает людей от этих политических сил. Так что что-то обязательно получится – эти люди будут участвовать, если увидят решение своих проблем от этих структур, которые будут создаваться.

Г.Л.Кертман (*Фонд Общественное мнение*). Вернусь к заявленной теме: «Предвыборная ситуация в формировании политического аспекта».

Прошедший электоральный цикл совершенно определенно высвободил довольно большой электоральный потенциал, т.е. довольно значительную массу избирателей, которые, как выясняется, не контролируются ни партией

власти, ни так называемой системной оппозицией и могут стать базой для формирования каких-то новых партийных и политических проектов.

Сначала чуть-чуть теории. Электоральные выборы в России проходят в основном по модели плебисцитарно-альтернативной, двойственной. Что это значит? Это значит: для избирателя партия власти никогда не конкурирует с другими партиями на равных основаниях. Я говорю не о ресурсах – я говорю о способе легитимации. В избирательном бюллетене партия власти представляет самодостаточный властный монолит и обращается к избирателю с вотумом доверия, а вовсе не конкурирует с теми, кто присутствует в этом бюллетене. И реально избиратель - почти любой избиратель – делает выбор в два такта. На первом такте он решает вопрос о вотуме доверия, голосует ли он за власть или не голосует, и если он голосует за власть на этом выбор и заканчивается. Он собственно не видит альтернативы. Фактически реанимируется советская модель ритуальной легитимации власти на выборах. Если же он отказывается голосовать за власть, тогда наступает электоральная фаза: он смотрит на альтернативы и выбирает либо что-то из бюллетеня, либо не идет на выборы вообще. Вот это принципиально.

Эти выборы - я имею в виду декабрьские - показали определенно, что на первой фазе плебисцита доля готовых голосовать за власть резко сократилась по сравнению с предшествующими годами. На второй фазе - достаточно много избирателей голосовали за предложенные альтернативы, но, как правило, очень многие остались не вполне удовлетворены теми партиями, за которые они голосовали.

Я все-таки приведу данные одного опроса, характеризующие этот новообразованный потенциал новых партий. Во-первых, мы спросили людей: *«Есть ли среди перечисленных существующих партий те, которые вас полностью и безусловно устраивают или таких партий нет?»* «Таких

партий нет» - ответили 34%. (Я не буду приводить данные по существующим партиям).

Далее мы спросили: *«А вы хотели бы или не хотели , чтобы в России появились новые партии?»* 24% сейчас хотели бы появления новых партий. Это притом что сам институт партий, как известно, дискредитирован до конца, до доньшка (об этом говорят и аналитики, и результаты многих опросов) . Тем не менее 24% хотели бы, чтобы новые партии появились, 54% - не хотят этого.

Далее: *«Допускаете или исключаете, что на следующих выборах проголосуете за партию, которая сегодня не существует?»* Допускающих такую возможность – 31% по стране в целом, в том числе там есть не так уж мало людей, голосовавших сейчас и за «Единую Россию», и за КПРФ, и за ЛДПР и т.д. Причем 31% - это в среднем по стране. В Москве 53% допускают голосование за партию, которой «нет».

Среди тех, кому до 30 лет, – таких 40%; среди тех, кто постоянно пользуется Интернетом, - тоже 40%. Среди тех, у кого высшее образование. – 43%.

То есть чем выше ресурсы социальные, чем ресурснее социальная категория, тем охотнее она допускает для себя возможность голосования за какую-то принципиально другую партию.

Далее. *«В ближайшие годы появится или не появится сильная партия, способная составить конкуренцию существующим?»* - 28% считают, что это возможно.

«Смогут или не смогут новые партии выдвинуть принципиально новые полезные предложения по развитию страны?» –33% против 35% считают, что это возможно. То есть идейный вакуум здесь ощущается людьми и при всем неуважении к институту партии - цифры такие.

И наконец, последнее. «С возникновением новых партий появится или не появится сильная, влиятельная политика(проблема лидера)? 37% говорят, что появится, 31% - что не появится.

Данные этого опроса не противоречат ни здравому смыслу, ни тому, что интуитивно видится любому внимательному наблюдателю – они показывают, что потенциал есть.

Теперь по поводу протестного движения.

Мне кажется, очень странным говорить о том, что этот протест бездарно слился (в самой жесткой форме писал Наганов в «Новой газете»), что он оказался несерьезным, поверхностным и т.д. Этот проект по самой своей природе с самого начала был проектом , если угодно, «первого такта». Люди, которые вышли на Болотную, дальше – на проспект Сахарова и т.д., до такой степени различны по своим политическим взглядам, по своей картине мира, что на уровне какой-то проблематизации политической повестки дня они не могут быть вместе. Они могут быть вместе только на «первом такте» – на такте морального отторжения действующей власти. По существу, могут объединяться в сугубо моральном протесте.

На улицу вышли люди, которые легко заполнили и ввели в оборот клише «Партия жуликов и воров», люди, которые реагируют на движение «Синих ведерок». Было много еще чего за последние год – два. Много разных импульсов, порождающих сугубо моральное недовольство действиями власти.

Кстати, власть сама этому сильно поспособствовала, учинив крестовый поход против коррупции. «Эффективность» этого похода все очевидна, включая саму власть. Когда на протяжении нескольких лет о чудовищной коррупции непрерывно говорят как о главной национальной проблеме и при этом ничего не меняют – это вызывает естественное сомнение в моральной состоятельности власти.

Кстати, данные наших опросов показывают, что примерно одна треть опрошенных считает, что власть *может, но не хочет* бороться с коррупцией. Некоторые считают, что она *хочет, но не может* бороться с коррупцией, – все-таки их несколько меньше. *И может, и хочет* бороться с коррупцией – примерно 10%. (это данные начала марта).

Речь идет о сугубо моральном протесте. Я совершенно согласен с теми, кто считает, что сейчас начнется горячее партийное строительство - и серьезным людям стоит немного переждать, им не следует в нем участвовать. Перспективы серьезной социал-демократической партии, наверное скорее всего, связаны все-таки с вызреванием, развитием и т.д. того социального субстрата, который дал, проявил себя на этих митингах. Некая солидаристская, солидаристски настроенная активистская публика – «непоротое поколение», возникшее в последнее десятилетие, в принципе, способное к каким-то солидарным социальным действиям, - сейчас еще не готово стать политической силой. Но оно может быть до какой-то степени готово воспроизводить гражданскую солидаристскую подоснову протестов в других – в самых разных - формах. Наблюдатели – это одна из возможных форм.

Если эта тенденция получит развитие, то рано или поздно (может быть, даже довольно рано) на этой основе возможно формирование социал-демократической партии не в духе утопии 20 летней давности о том, что оголтелые традиционные коммунисты будут постепенно цивилизоваться (клыки будут выпадать и их обладатели постепенно будут становиться розовыми) - а совершенно по-другому. Опомнившиеся и усовестившиеся либералы должны быть тем необходимым элементом социального субстрата новой социал-демократической партии, без которой она современной стать не сможет никогда.

А.Ю.Зудин (*департамент политологических программ Центра политических технологий*). Мне кажется, что постепенно формируется

какой-то если не единый подход, то некие все-таки общеприемлемые рамки. Я постараюсь идти по порядку и придерживаться тех вопросов, которые нам дали.

Первый вопрос распадается на два вопроса – почему и что это означает. Я имею в виду выборы и декабрьские условно протесты. Сейчас уже многие говорили о том, что явление скорее социологическое и я добавлю – культурное, нежели явление политическое. В политическое явление это превращают те активисты и те силы, которые по понятным причинам стараются его использовать с пылу с жару. Но коль скоро у нас и в той мере, в которой мы ставим перед собой задачу понять, мы должны зафиксировать, что это речь идет о социологии, речь идет о некий культурных явлениях, о политике, как справедливо только что сказал Григорий Кертман, «речь пойдет во втором или в третьем такте».

Хотел бы отреагировать на самые-самые первые выступления Гавриила Харитоновича. Просто хочу напомнить, что там оно начиналось с хитрых, умных или правильных схем, с опорой на которые нам удастся все решить. Хочу напомнить, что никакой институциональный выбор, то есть выбор схем он не происходит в нейтральной среде – любой институциональный выбор в любой стране в любую историческую эпоху делают акторы, то есть силы, и именно интересы этих сил и определяет содержание этого институционального выбора. Это может нравиться, не нравиться – но это всегда так было и всегда будет. И с учетом этого обстоятельства нужно и оценивать как бы предлагаемые схемы – не в той степени, в которой они умны, круты, правильны, совпадают с нормативными представлениями, а в той степени, в которой они могут совпасть с интересами наиболее сильных участников.

Теперь о том, что происходило на полюсе власти. Здесь по-разному это оценивалось – говорилось о неожиданности, о панике. Вот коллега

Кагарлицкий где-то деепричастным оборотом сказал о том, что «может быть, и не такая уж неожиданность, не такая уж паника».

Я просто хочу напомнить о том, что где-то летом 2010 года Президент Медведев известную свою фразу сказал о «Единой России», которая забронзовела. Фраза прозвучала, она была откомментирована, потом мы ее забыли. Потом в сентябре того же года, выступая перед сугубо американской аудиторией, зам.руководителя администрации Президента в исключительно осторожных выражениях сказал, что «Единая Россия» на будущих выборах - я не уверен, что она сможет получить конституционное большинство на будущих выборах. Тоже прозвучало, было мало откомментировано, потом это все забыли.

Действительно, в течение всего периода – я имею в виду с 2008 года – действовал фактор, на который обратил внимание коллега Кертман, а именно на то, что антикоррупционная тема оказалась официализирована, и только ленивый не обсуждал несовпадение официальных доходов чиновников с их образом жизни. И я думаю, что в значительной степени успех, как говорят блогеры, «блогер Алексея Навальный» связан с тем, что он почувствовал и встроился в этот тренд, который создала власть, решая свои проблемы.

Далее. Что интересно по поводу поведения власти перед выборами. Происходит некое снижение – совершенно явное – рейтингов: как реагирует человек, который стал во главе списка, я имею в виду Дмитрий Медведев...

Как ведет себя лидер партии Владимир Путин? Он дает – как это обычно происходило, - право «Единой России» пользоваться своим именем, своим имиджем, но никакого реального участия в избирательной кампании он не принимает. То же самое можно сказать и о поведении Дмитрия Медведева. Он вел себя достаточно спокойно. Он не шел в авангарде избирательной кампании «Единой России». К чему это я? А я к тому, что «Единую Россию» по самым разным причинам – можно о них отдельно говорить – ее просто поставили перед необходимостью примерно получить

столько голосов, сколько она может получить, в том числе и с использованием (как они привыкли получать) административных инструментов. Но только эти административные инструменты лишились как бы былой поддержки. Поэтому события не были неожиданными. Они не были неожиданными хотя бы потому, что провисание «Единой России» в мегаполисах и вообще в крупных городах, но особенно в мегаполисах, это никакой не секрет. Об этом социологи говорили, по-моему, начиная где-то с 2004 или 2005 года – по опросам. Это было предметом обсуждения в самой «Единой России» - в их документах: мол, с «этим надо что-то делать...» Были очень интересные доклады, особенно первый доклад, Михаила Дмитриева, посвященный настроениям в мегаполисах. Потом он стал цитировать больше второй доклад (первый доклад был 2010 года, второй – 2011 года).

На мой взгляд, очень жаль – с точки зрения глубины понимания, потому что в первом докладе очень интересно характеризовалось протестное настроение в Москве: характеристика была, что это – протестные настроения рантье. По содержательным характеристиками человеческого капитала – в этом отношении Москва, как говорилось в этом докладе, ближе не к Европе, а к Эмиратам. Это по поводу увлечения лозунгами, концептами креативного класса, который «крут», который «вышел» и т.д.

Самое главное – это то, что и на выборах, и в ходе протестной деятельности произошло психологическая эмансипация городского среднего класса. Это самое главное. Все остальное будет потом. Что будет - в общем, непонятно, но это произошло, и это факт. Психологическая эмансипация и некое сплочение. Была сделана также попытка – попытка неудачная – я бы сказал, такого (слово, наверное, слишком сильное, но условное) исторического реванша либерально-западнической субкультуры. Потому что то, что заявила о себе в ходе протестов – это именно субкультура, а не слой. Либерально-западническая субкультура потерпела историческое поражение

после дефолта 1998 года, она ушла в глубокий нокаут – это прослеживалось и по опросам, и по реальной политической жизни, которая происходила в стране. Она в этом нокауте находилась в течение где-то (условно) 10 лет и стала выходить из этого состояния. И была предпринята попытка реванша, т.е. вернуть ей лидерские позиции в обществе, вернуть ей лидерские позиции в общественном мнении.

Эта попытка, на мой взгляд, не удалась. Много уже было сказано о том, почему она не удалась, в частности, о том, что люди, которые выходили на митинги, слушали ораторов, они в качестве своих и наиболее созвучных опознавали в основном не политические фигуры, а гражданские фигуры. Проблема несистемной оппозиции состоит в том, что большая ее часть – я имею в виду наиболее яркие ее фигуры – это люди, которые в морально-политическом отношении мертвы, но все еще находятся в дееспособном возрасте. Это создает реальную проблему для них и для движений, и для политической жизни в целом. Они мертвы, они не способны что-либо создать, но они продолжают действовать.

Теперь по поводу.... левые и социал-демократы. Идея справедливости и справедливости как ценности всегда будет иметь спрос. Идея социальной несправедливости будет в нашей стране, конечно же, будет пользоваться спросом. И спрос на нее увеличивается. Другое дело, что превращение социологического феномена и ценностного феномена в политическую силу, на мой взгляд, займет очень много времени. Это сопряжено с существованием исторического реликта под названием «Коммунистическая партия Российской Федерации». Это так же трудность превращения левых в реальную политическую силу, отчасти (в меньшей степени), но тоже связана с гипнозом, загнипнотизированностью, которая до сих пор среди людей, связанных еще с советским опытом, пользуется идея социал-демократии. Идея, на мой взгляд, в нашей стране бесперспективна – абсолютно. На мой взгляд, это трагедия советских – я подчеркиваю – советских реформаторов,

что у них появилась возможность социал-демократического выбора, который соответствовал их внутренним установкам, их убеждениям, в том момент, когда социал-демократия как политическая сила стала входить в состояние упадка. На Западе она – поскольку она стала частью политической, культурной традиции – она продолжает работать, но она уже в значительной степени выхолощена, у нас игры (в техническом смысле, не в ругательном смысле), действия некие, связанные с социал-демократией, они абсолютно бесперспективны.

Левые идеи – другое дело, просто потому, что эти ценности - это часть базовых ценностей. С ними можно и нужно работать. Единственное, на что могут рассчитывать люди, которые себя сознательно позиционируют как социал-демократы, это некий клуб - клуб единомышленников, чтобы общаться, чтобы транслировать свои идеи, но на какой-либо серьезный электоральный успех, на какую-то способность привлечь какие-то свежие силы здесь рассчитывать, на мой взгляд, нельзя - просто не следует обольщаться. Спасибо.

И.Б.Будрайтскис (*активист российского социалистического движения*). Мне кажется, что такой вот сбор за Круглым столом, который пытается каким-то образом классифицировать, объяснить уже совершившиеся события, он в любом случае выглядит, на мой взгляд, достаточно двусмысленно. Потому что всегда гораздо легче расставлять оценки и говорить о том, что было там первым актом политической мобилизации, что будет вторым - уже после того, как определенное политическое действие завершилось.

Люди, которые выходят на улицу, которые хотят участвовать в политике, они никогда не мыслят себя как участники некого действия, имеющего какое-то запрограммированное завершение или, наоборот, запрограммированное продолжение. В этом отношении те ошибки, которые были в этом движении совершены, они не могут быть, как мне кажется, в

полной мере списаны на некие обстоятельства, поскольку в истории именно фактор обстоятельств являлся всегда оправданием любых ошибок.

И в этом отношении, мне кажется, что необходимо признать, что это движение потерпело поражение – по крайней мере, в том виде, в котором оно существовало. Это движение, которое имело перспективу выйти за рамки достаточно узких требований, связанных с электоральным циклом; которое имело возможность выстроить – говоря таким грамшинским языком, широкий исторический блок, который мог бы действительно радикальным образом изменить ситуацию в стране, и это движение, которое проделало путь в противоположном направлении – редуцировав себя до меньшинства, признав себя меньшинством и отказавшись на программном уровне от попыток завоевать как большинство.

Вот линии, о которых сейчас говорят, в частности и на этом Круглом столе, как о каких-то определенных социальных факторах: линия, разделяющая некое консервативное большинство, и некий креативный класс или какое-то меньшинство – представителей западной субкультуры и т.д. Вот эти на самом деле очень подвижны. Эти линии проводятся каждый раз заново и они были чрезвычайно прозрачными и подверженными изменениям именно в этот период декабря прошлого года. И к сожалению, они были проведены именно таким образом, который предопределил поражение этого движения. Большинство – то самое путинское большинство, - которое являлось главной политической фигурой политического языка правящего режима на протяжении последних десяти лет, но в какой-то момент – скажем, в середине декабря после позорных выборов – оно перестало существовать, оно растворилось. И заново это большинство появилось именно в результате линии, которая была выбрана политическим руководством протестного движения.

Это линия, которая была принципиально антидемократической, которая была принципиально антисоциальной и в которой за разговорами о

креативном классе на самом деле скрывался глубокий конфликт, который, как мне кажется, определяет нашу политическую историю на протяжении последних 20 лет – это конфликт между либерализмом и демократией. Когда вы говорите о том, что большинство людей, которые отвечали на какие-то социологические опросы, они осознавали себя как демократы, то их осознание себя как демократов оно прямо противопоставляет их той политической перспективе, которую предлагают либералы. Потому что для либералов в России всегда принципиальным было участие во власти, изменение этой власти, трансформация этой власти с помощью консолидации с элитами, участие в этой власти в роли экспертов и советчиков. И эта консолидация была возможна только на основе консенсуса относительно недопущения большинства к принятию решений. И вот этот органический союз либерализма с авторитарной властью он в очень своеобразной, очень гротескной форме проявился именно в этом декабрьском движении.

Дальше – когда говорят о том, что в этом движении было предоставлено слово всем. Да, действительно – слово было предоставлено всем. Просто эти слова были совершенно одинаковыми, т.е. когда 5 марта уставшие от выборов, волонтерства, постоянного политического напряжения люди пришли на какой-то там (какой он был, 10-й по счету?) митинг и они услышали 20 ораторов, представлявших разные позиции, – правых, левых, националистов, которые говорили абсолютно одно и то же, - это просто воспринималось как издевательство. Причем очень интересно, что у большинства ораторов – если не у всех ораторов - было какое-то очень странное представление об аудитории, которая перед ними стоит. То есть они, начитавшись Лебона или не знаю, кого, они действительно каждый раз выходили на эту трибуну как люди, которым предстоит покорение толпы, как женщины, которую они сейчас на нее должны прорычать, каким-то образом ее завести, ввести ее в какое-то экстатическое, истерическое состояние и на

этой основе добиться политического результата. И в этом отношении разницы между националистами, левыми и либералами заключалась исключительно в том, насколько более или менее громко они «рычали», «гавкали» или выражали свою агрессию по отношению к толпе.

В то же время попытаться каким-то образом определить ее социальный состав (как кто-то здесь сказал - «то, чего эти люди действительно хотят») - никто не пытался и, более того, ни для кого это не было целью. Целью было – подавить и превратить в некий слепой инструмент в своей политической игре, которая как политическая игра была достаточно слабой, потому что она была...стратегией, перспективой и т.д. То есть эти люди, даже завоевав эту толпу, вряд ли знали бы, что с этой толпой делать. Это тоже был один из моментов кризиса этого движения.

И, как мне кажется, попытка скопом записать участников этих митингов в либералы, в левые, в какой-то креативный класс, она является принципиально не верной. Я бы назвал массу, которая выходила на эти митинги, - широкой средой городских недовольных, которая очень разнородна, в которой большой сектор составляют люди, которые не имеют отношения к предпринимательской деятельности, для которых чрезвычайно важны требования, связанные с социальным государством. Это чувствовалось. Это чувствовалось не по «рыку» ораторов и не интерпретациям либеральных комментаторов по радио, а это чувствовалось по разговорам с людьми, по тем лозунгам, которые они держали руках.

И в этом отношении – это мой последний тезис – мне кажется, что, конечно, в этих митингах, левым необходимо было участвовать; конечно, необходимо было пытаться выступать. Причем выступать не для того, чтобы повторять более громко или более агрессивно то, что повторяли представители других политических течений, а для того, чтобы пытаться активировать вот эту социальную и на самом деле демократическую повестку, потому что левая и демократическая повестка - в наших условиях

они неразрывно связаны. Поэтому люди, которые считают себя сторонниками демократии, они органически являются левыми.

И мне очень понравился тезис о том, что для условно-либеральной публики сегодня наступает момент истины. Когда она действительно должна определиться. И в этом определении - с кем она: она с либеральным истеблишментом, который стремится заключить сделку с правящей элитой и, следуя своей природе, своему характеру, отвоевать как бы место в авторитарной капиталистической системе, либо они переходят на сторону демократии. Да, этот переход на сторону демократии он неизбежно будет означать их дрейф влево. И поэтому мне кажется, что фигура Михаила Прохорова – это большая, так сказать, удача, да, вообще ее появление в этом направлении, потому что ставит, создает достаточно четкий маркер, по отношению к которому этим людям теперь будет очень легко определяться – вот за или против Прохорова. Вот эта мрачно возвышающаяся фигура этого картонного олигархического монстра очень заметна. Она является таким маяком, по отношению к которому теперь, как мне кажется, предстоит всем людям, которые так или иначе ассоциируют себя с какими-то либеральными, достаточно расплывчатыми представлениями, предстоит определиться – за или против. Мне кажется, что те, кто против, неизбежно будут идти влево, неизбежно будут участниками того самого проекта «от багровых до розовых», о котором говорил замечательно Павел Михайлович.

И мне кажется, что именно такая, так сказать, партия, она – мне очень понравилось ваше выражение – партия, которой нет. Вот я тоже отношу себя к ее сторонникам – 34 %, вот я тоже в них вхожу. Мне кажется, что вот эта партия, которой нет, она и будет партией как бы вот этой вот полевевшей либеральной интеллигенции, которая наконец найдет в себе силы стать последовательной демократической силой и объединиться с большинством собственного народа. Спасибо.

О.Г. Румянцев (*Фонд конституционных реформ*). Я хотел бы продолжить главную мысль, которая здесь прозвучала, о необходимости широкого левого движения или широкой левой партии. Мне кажется совершенно очевидным и уже 20 лет с момента разгрома Верховного Совета, отмены Конституции и так далее и так далее, со всех тех событий, которые были, безусловно, рубежом, мы являемся свидетелями вот такого довольно беспардонного поведения правящей коалиции. Победили тогда бенефициары приватизации, для того, собственно, и нужно было упразднить Верховный Совет. Они себя считают до сих пор демократами. Любой член ельцинской семьи скажет: «Мы есть демократы, Ельцин принес демократию». А те крупные олигархи ельцинского призыва, которые участвовали в этой приватизации, плоды которой мы на сегодня имеем в этом экономическом уродливом строе, они вам скажут, что как раз они были экономическим ответом на победившую политическую демократию.

Их альянс с такими «торговыми чекистами» – не мой термин, пусть они не обижаются, это термин Виктора Черкесова, их же самого воина, который противопоставил себя торговым чекистам – их альянс с «торговыми чекистами» (сегодня их считают силовыми консерваторами, можно разные давать определения) он совершенно естественный. Они поделили итоги приватизации, поделились ими, и они удерживают прочно вот этот тандем, так сказать, это и есть такие вроде бы как бы качели. И эта активная разводка, извините за такой термин, на этот политический тандем в течение последних четырех-пяти лет – это как раз и было возможностью показать, что демократия продолжается, есть некие башни Кремля и есть разница между «торговыми чекистами» или силовыми консерваторами и либералами, которые группируются вокруг Дмитрия Анатольевича. Неужели Тимакова вам скажет, что она – не демократ? Она скажет: я – главный демократ. Я и есть главный демократ. Или Будберг вам скажет, что он – не демократ?

То есть мы, я по методу исключения, вот те, кто не входит в эту коалицию, – это и есть широкая левая реформаторская, если угодно, социал-демократическая партия, на мой взгляд. Не все те, конечно же. У нас есть еще серьезный еще очень сегмент патриотических граждан, патриотически мыслящих граждан. И очень опасно, что делают сегодня силовые консерваторы. Вчерашний главный пафос путинского выступления в Думе пятичасового, четырех с половиной часового был как раз в том, что вот все эти столыпинские категории – вера в Россию, любовь к России, сила России и так далее и так далее. То есть тем самым все те, кто сейчас будут критиковать вот этот альянс, эту правящую коалицию – это люди, которые не любят Россию. Это люди, которые шакалят у посольств, это люди, которые подрывают нашу геополитическую самость и так далее и так далее. Очень опасные тезисы. И, на мой взгляд, вот этот сегмент патриотически мыслящей публики – это очень серьезно.

Мужской голос. Какой это патриотизм?

О.Г. Румянцев. Потому что я вот сегодня услышал уже какую-то такую критику, знаете, такое критиканство некоторых выступающих в отношении Навального. То есть некий такой вот Навальный, там он себя считает... Я категорически с этим не согласен. Алексей Навальный в одиночку сделал потрясающее. Он – один из создателей этой революции, произошедшей в нашем гражданском обществе. Вы понимаете? Его антибюрократическая, антиолигархическая, антикоррупционная направленность, метод его сетевой работы, способность сегодня собрать союзников показали нам, во-первых, новые методы работы в цифровую эпоху, а во-вторых, показали, что люди могут быть и левых взглядов, на мой взгляд, он серьезных левых взглядов, и в то же время патриотически мыслящие. Вы понимаете?

Нельзя считать левыми только тех, кто возглавляет различные социалистические и социал-демократические кружки. Вот это самое главное,

чего хотелось бы избежать. Левыми по взглядам являются все те, кто не поддержат вот чудовищную правящую коалицию. Понимаете? А мы двадцать лет уже все, по сути дела, левые силы сидят на галерке и смотрят на то, как там продолжается распил бюджета, распил полномочий. И вчера был главный позыв такой, что я, ребята, надолго. Я вот на следующие двенадцать лет, это точно совершенно, буду. И, мне кажется, что их либеральный фланг он ничуть не лучше. Это сплошная какая-то фабрика по изготовлению симуляторов.

Посмотрите на все последние инициативы Медведева. Рабочая группа по Конституционному собранию. Вроде бы, мы оживились, Конституционное собрание. Но неужели – это один из последних инструментов, между прочим, управления кризисной ситуацией. Если угодно, инструмент управления революционной ситуацией – Конституционное собрание, предусмотренное Конституцией. Чем закончилась эта инициатива? Пшиком. Сказали, что нынешний и новый Президент, и нынешний и следующий Президент не планируют изменения Конституции. Конституционное собрание – не для того закон этот принимается, чтобы менять Конституцию. Принимается механизм, законный механизм управления кризисной ситуацией, управления теми революционными процессами, которые, на мой взгляд, социал-демократам как реформаторам противоположный. Я считаю, что все-таки надо говорить о реформаторском движении. Как бы ни противна была эта власть, но надо речь вести о диалоге с ней. Может быть, с позиции силы, когда – с позиции мудрости. Но речь надо вести о все-таки реформаторском подходе и о диалоге. Это очень важно. Начать надо этот диалог, мне кажется...

Немножко продолжу про инициативу Медведева, чуть не забыл. Политическая реформа – это вообще, так сказать, фантастика. Это такая, понимаете, уже Павел говорил очень хорошо о тепловых ловушках, которые будут, действительно всё гасить, а проходить будет народный фронт, видимо,

он для этого и создавался. Но это напрямую касается нас. Меня пригласили уже, как минимум, в три социал-демократических проекта участвовать. И это всё серьезные, солидные и уважаемые люди.

М.С. Горбачев. И ты что – зазнался?

О.Г. Румянцев. Нет, дело не в этом. Дело в том, что их число будет множиться. Поэтому наша с вами задача, на мой взгляд, видеть четко вот участников этого социал-демократического сегмента.

М.С. Горбачев. Стол эту задачу не решит.

О.Г. Румянцев. Стол – это одна, это клубная работа. Но это замечательно, что есть клубная работа. Мы вот с Павлом Кудюкиным тоже начинали клуб «Перестройка». Потом он фактически создал Социал-демократическую партию России, этот клуб «Перестройка», на базе клуба. Клубная работа формирует набор лидеров, способных говорить и с властью, и с обществом, способных выступать в средствах массовой информации, способных иметь обратную связь со своими сторонниками. Клубная работа важна. Но важна и мейнстримовая работа. Надо отдать должное, что «Справедливой России» удалось главное – сделать социал-демократию частью мейнстрима политического. Во многом за счет административного ресурса, потому что Путин поддерживает Миронова как друга и помогает этой партии. Но в немалой степени потому, что «Справедливая Россия» стала солидной альтернативой, и многие люди, которые выходили на выборы, вот эти самые 13 или 16 процентов – сколько им насчитали? – я думаю, что это реальные 13 или 16 процентов. Потому что была видна наконец какая-то структурированная альтернатива. Социал-демократы от какой-то кружковщины и клубной работы наконец-то стали частью мейнстрима политического. И самое плохое, что мы могли бы сделать сегодня, это раздробить голоса этой «Справедливой России», раздробить саму эту партию и фракцию. Это не значит, что надо вокруг нее объединяться, но это серьезное достижение – иметь парламентскую фракцию сегодня, которая на

самом деле способна давать и поправки в законы. Я прихожу на заседания фракции и приглашаем на их экспертный совет. И могу вам сказать, и даже вот обращался по ряду вопросов в Павлу Кудюкину как эксперту... То есть, есть уже серьезный кирпичик, который надо использовать в этой работе. Нельзя говорить, что надо что-то начинать с нуля. Вот есть серьезная фракция, серьезная партия.

Кстати, вчера они очень достойно вели себя, я считаю. Во многом под влиянием вот этой деятельности Гудкова – Пономарева. Миронов вчера нашел в себе силы. Было бы очень красиво, чтобы он сказал, что не просто вылетает сейчас в Астрахань, но вылетает туда и присоединяется к голодающему Шеину. Это было бы вообще прекрасно. Но, видимо, физически он не смог. Но у него было очень достойное вчера выступление. На фоне вот этого паясничания, которое мы вчера видели, извините, другим словом назвать было невозможно обсуждение астраханской истории, это было очень достойное поведение фракции, коллективное и достаточно мужественное, и выступление Сергея Михайловича Миронова. То есть это надо иметь в виду, что здесь это тот сегмент, который уже удалось в политической системе создать. Как бы были ни противна, Павел, тебе эта политико-правовая система, она, тем не менее, существует и в ее рамках у нас уже есть какой-то материал.

Я согласен с выступавшим в отношении того, что гражданская солидарность, показанная на Болотной, это было феноменально. Это была такая Пражская весна своего рода. Люди разных взглядов действительно себя ощущали солидарными с происходившим. Это было очень здорово. Не манипулируемая такая... Это то главное, чего нет в нашей культуре и в том числе в левом движении. Люди называют огульно нерукопожатными одну часть, считает себя носителями левой идеи другая часть, не готовы ни о чем говорить с КПРФ, навешивая своего рода ярлыки.

Я думаю, что здесь надо этот дух гражданской солидарности, который был физически ощутим на Болотной в наиболее ярком виде, постараться привнести в наши отношения друг с другом, между теми небольшими или большими партиями, движениями, лидерами, которые есть, самого разного толка. Потому что, если мы будем сами испытывать эту гражданскую солидарность на этом левом, левоцентристском фланге, я думаю, что мы сможем гораздо более солидарно выглядеть в нашем, скажем так, противостоянии. Потому что политическое противостояние, идейное противостояние неизбежно будет с представителями правящей коалиции.

Мне кажется, очень важно, правильно Гавриил Харитонович сказал, о роли интеллигенции. Потому что та степень деградации, одичания, в которую сегодня завели страну, она конечно нуждается в отпоре прежде всего со стороны интеллигенции. Прежде всего со стороны тех, кому дорога культура, кому дорого будущее. Телевидение насильственно навязывает эту тему консьюмеризма, постоянно такого абсолютно тупого потребления. И здесь сама по себе левая альтернатива просто напрашивается. Но это очень важно, чтобы здесь интеллигенция действительно была этим ведущим социальным слоем.

Что касается офисного планктона, к которому я тоже определенное время, лет десять так в своей жизни, принадлежал, могу сказать, что это практически рабы корпоративного устройства, которые не готовы возражать против своих работодателей, и работодатели достаточно неплохо оплачивают подчас и дают социальные пакеты. И вот это рабское существование корпоративного офисного планктона существует. Найти среди них желающих в профсоюз какой-нибудь вступить или выступить в каком-то трудовом споре вы найдете очень немного. К огромному сожалению.

Я завершаю. Идеи, вокруг которых..., нам подбрасываются самой жизнью. Путин вчера, одним из главных его пафосов был вчера активнейший оратор новой приватизации. Главное, что он говорил, это не сельское

хозяйство и не крупный рогатый скот – он этому уделил четверть своего выступления, – а главным был пафос о необходимости новой приватизации. Видимо, набраны уже такие ресурсы колоссальные – и его друзьями, его, так сказать, бывшими коллегами по ельцинской семье, – что они требуют приложения, эти капиталы. Кто будет участвовать в приватизации? Не мы с вами. Альтернативой может быть идея народного рынка, народных IPU(?) и так далее и так далее. Здесь, я думаю, Михаил Делягин выступает с интересными идеями. Есть масса идей у Сергея Глазьева. Я думаю, что экономические мысли, альтернативы этому необходимы. Какая приватизация, когда сегодня – что приватизация, что национализация этим государством, не оздоровленным пока государством, не здоровым, они категорически противопоказаны обществу.

Поэтому, я думаю, что не общедемократическая задача, а задача, может быть, вот такая оздоровления государства. Через восстановление всех и всяческих форм самоуправления и народовластия. Я на своем уровне всячески продвигаю идею выборности, идею парламентского контроля, так сказать, по линии Фонда конституционных реформ. Мы с Михаилом недавно участвовали в Совете Федерации. Один из стимуляторов этой политической реформы. Сенаторов опять же у нас избирать не будут, опять предлагаются некие хитромудрые схемы, как избежать главного внесения изменения в Конституцию.

Ну, то есть вот на тему приватизации, на тему оздоровления государства, на тему – что можно противопоставить в области культуры, противопоставить этому одичанию. Мне кажется, и нужно выстраивать ту самую широкую сеть координат, в которых и может состояться широкое левое движение. Я думаю, что готовиться надо конечно же к тому, чтобы это была в дальнейшем мощная коалиция, мощный избирательный блок. Для этого надо добиваться соответствующих изменений в законодательстве. Потому что все вот эти процветают пусть сто цветов, не сопровождаются

изменением в избирательном законодательстве в отношении коалиционных норм. И если это движение, мне близко название, например, Социал-демократы России – СДР – поскольку, если оно станет партией, дабы только одной буквой будет – СДПР. И ничего не вижу страшного в словосочетании «социал-демократы», потому что как-то надо обозначить? Народный союз, Народный фронт, Гражданский союз – всё это было. Всё это аморфно, всё это безлико на самом деле. Здесь же важнейшим словом является слово «демократия» и ценность демократии и социальная, то есть общественная нацеленность наших усилий. Мне кажется, что к такому движению вот собственно надо и вести дело, взаимодействуя с самыми различными силами и не отталкивая их.

А.А. Захаров (*журнал «Неприкосновенный запас»*). Мне кажется, что о победах и поражениях движения говорить пока преждевременно, потому что, на мой взгляд, мы должны оценивать этот процесс как не закончившийся, его еще нельзя подвергать оценке. Мне думается, что главное заключатся в том, что на наших глазах происходит становление политики нового типа – политики, которая характеризуется тем, что завоевание власти перестало быть приоритетом тех людей, которые оппонируют этой власти. Им достаточно, они в принципе готовы этим ограничиваться, эту власть контролировать, подвергать ее мониторингу и в случае необходимости ограничивать. Это явно демократическая по своей природе активность, но она не является политической активностью в строгом смысле этого слова. В основе ее лежит феномен недоверия к власти, недоверия фундаментального. А недоверие к власти является одним из краеугольных камней демократической системы. И в принципе процесс этот – это не наш процесс, он не у нас начался. Аналогичные вещи происходят во многих демократических странах сегодня. И это действительно, как говорил кто-то из выступающих здесь коллег, это реализация политических интересов без посредников.

Протесты показали, что граждане наши не являются столь пассивными, как думалось многим из нас совсем недавно. Что речь идет о том, что они просто стали не политичными. И расширение дистанции между гражданским обществом и политическими институтами, которое будет продолжаться и дальше, приведет к тому, что социальный протест будет развиваться вот в таких вот оригинальных и новых условиях. Это будет ad-hoc, политика своего рода. Что это означает, собственно говоря, и выводы какие можно из этого делать, из такой вот природы этого движения? Партии стали старомодные, и акцент на них делать сегодня неразумно. Время партийного строительства придет позже, и я совершенно согласен с теми, кто об этом уже говорил.

Во-вторых, разумеется, целью является не завоевание мест в убогом парламенте нынешнем, а критика нынешнего его второстепенного положения. На этом надо сосредотачиваться, а вот от того, сколько «Справедливая Россия» получит мест в Государственной думе, не зависит ровным счетом ничего. Точно так же, как и не зависит ничего от представительства любой другой партии. В этом плане перспективными и наиболее важными, с моей точки зрения, оказываются максимально широкие негативные коалиции. Негативные коалиции типа той коалиции, действия которой мы с вами наблюдали совсем недавно. И за этими коалициями на ближайшую перспективу, по всей видимости, будет будущее. Эти коалиции будут временными и случайными, и, мне думается, что сама власть даст нам в ближайшее время достаточно много поводов для того, чтобы эти коалиции возобновлялись.

То есть говорить о том, что всё умерло, всё затихло, всё было слито, на мой взгляд, невозможно. Потенциал этот был продемонстрирован, потенциал этот есть, и пока он будет сохраняться в латентном виде до следующего эпизода, скажем так. А эпизод этот, по-моему, не заставит себя ждать.

Наконец, еще одна вещь и важнейшая цель, на мой взгляд, вот этой активности протестной – это критика той правовой рамки, которая позволяет нынешней системе существовать. Критика действующей Конституции. О ней на этой протестной волне говорилось достаточно мало. Действующей Конституции – Конституции 1993 года. Потому что она задает тот порядок вещей, который мы имеем. Мы должны начать пересмотр, по крайней мере говорить об этом, полномочия Президента Российской Федерации и, слава богу, в России критиковать Конституцию пока еще можно, мы еще не Малайзия в полной мере. Поэтому вот это вот – важная задача.

Я солидарен с Олегом Румянцевым в том, что важное значение имеет, конечно, инициирование процессов, связанных с возможностью пересмотра этой Конституции. То, что у нас до сих пор нет конституционного закона о Конституционном собрании, это тот пункт, о котором можно и нужно говорить. И говорить достаточно активно.

Наконец последнее, что я хочу сказать, неактуально, я повторю то, с чего собственно начинал, неактуально сегодня говорить о том, что оппозиция выдохлась или не выдохлась. Оппозицию того типа, которую я пытался описать, невозможно в этих терминах анализировать. Это особая, это новая оппозиция. Оппозиция достаточно неведомого для нас раньше типа.

Е.А. Панфилова (*Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл – Р»*). Добрый день! Спасибо за приглашение. Я буду говорить не как ученый, а как прикладник, который еженедельно отучивает огромное количество студентов, где есть и анархисты, и либералы. И среди моих сотрудников, которых более пятидесяти, они все младше тридцати, там, в общем, весь спектр идеологических представлений, и при этом мы как-то прожили эти четыре месяца и не убили друг друга. Более того, очень много сделали вместе. Но прежде я бы хотела отрефлексировать по поводу того, что здесь говорили. И в первую очередь меня, конечно, потрясло, когда выступал господин

Кагарлицкий и говорил про социологию, буквально в этот момент мне пришло сообщение от моего сотрудника Антона Поминова(?), кто знает – он делает исследование по коррупции, сколько коррупции в литре молока и так далее.

Он мне пишет: «По дороге на работу остановился на светофоре поговорить по телефону. Подходят к какому-то парню четыре девочки, представляются студентами журфака. Мы, говорят, соцпрос проводим: чего вам не хватает, чего бы вам хотелось? Парень отвечает: «Политической свободы и возможности реализации своих прав». Они выпучивают на него глаза и уточняют: в самом ли деле он часто думает о том, что ему не хватает свобод?» А что они ожидали? Что – он им перечислит видеоманитофон, жилплощадь и Сталина? Это одна, просто выдернутая из контекста зарисовка одного отдельно взятого 26-летнего молодого человека, один день из жизни. Да? Где есть и социология, и их представление, и какие-то третьи люди, про которых мы ничего не знаем.

М.С. Горбачев. Социологии там нет.

Е.А. Панфилова. Нет, но девушки представились социологами, видимо. Может быть, даже для кого из здесь присутствующих поле делают. И соответственно они какие-то странные, они стали замечать эти вещи, они замечают то, что мы долго не замечали.

Насчет неожиданности выбора, результатов выборов. Вы знаете, я была 1 декабря в Калининграде, где по всему городу представители органов власти и не власти шептали друг другу на ухо, но не говорили вслух: а вы знаете, что у нас 23 процента? Вы знаете, что у нас 22 процента? То есть все знали, сколько на самом деле есть

Мужской голос. Это Вы про «Единую Россию».

Е.А. Панфилова. Да, про «Единую Россию». И это были представители власти, которые потом бодро нарисовали 45. Но они знали про

23 и спокойно об этом друг другу на ухо шептали и вполне к этому готовились.

И конечно, совершенно удивительна была реакция третьей группы – это средний класс чиновничества и «Единой России», когда 9 декабря у нас было мероприятие, те люди, которые еще накануне, месяц до этого вообще не обращали внимание на такую страту в обществе, как ту, которую я представляю – общественные организации, причем такие низовые общественные организации, – они все к нам пришли на какое-то мероприятие и так, на всякий случай, зондировали почву: а можно ли с вами в дальнейшем дружить? И не произносили только вот то, что следует после запятой – когда вы победите. То есть они на всякий случай устанавливали какие-то контакты. Там люди из минэкономразвития среднего уровня, Минздравсоцразвития, то есть они наводили мосты: как там что будет в будущем. На всякий случай готовя себе какие-то потенциальные запасные аэродромы.

Ну а теперь три буквально тезиса, которые я хотела озвучить.

Первый. Мы, конечно, не должны забывать о том, что все события, начиная с декабря и по март, приземлились на такой фундаментальный и нараставший в течение длительного периода не кризис доверия в обществе, не недоверие к власти, а вообще кризис доверия в обществе – к лицам, к личностям, к фамилиям, к институтам – парламент, министерство, ведомство и так далее. Никто никому не доверяет. То есть идут, проводят с ними какую-то работу, но доверием и не пахнет. Недоверие к СМИ, мы все видели, особенно электронные СМИ, я имею в виду телевидение в первую очередь. К политике и, самое главное, к общественным организациям. Кризис огромный доверия к общественным организациям. Я с год не встречала человека, который бы называл Общественную палату Общественной палатой, а не палаткой. Да?

И конечно, огромный кризис доверия идеям. Потому говоришь про фундаментальные какие-то вещи – либералы, социал-демократы – люди даже

не доверяют старым смыслам знакомых давно слов. Нет доверия всему спектру тому, на чем должно строиться построение наших будущих социальных взаимосвязей. И отсюда, мне кажется, главным элементом последних четырех месяцев стало пересоздание смыслов вот всех тех вещей, к которым было утеряно доверие. И, надо сказать, власть попыталась подстроиться. Потому что иначе, как институциональной шизофренией не назовешь такие вещи, как открытое правительство, например. Когда в один день ты видишь Сережу Алексащенко выступающим с трибуны на Сахарова, а на следующий день видишь его заседающим с господином Абызовым в открытом правительстве. Прямо вот внутри реформ, в Кремле фактически. Да? Всё начинает перетекать, и смыслы начинают меняться, и каждый пытается прицепиться к той новой меняющейся реальности, дать ей какое-то новое имя.

Мне поступило четыре звонка от разных социал-демократических партий вновь создающихся и три от либеральных. Я все жду, когда позвонят из каких-то еще каких-нибудь там совсем экзотических. Но при этом все люди – абсолютно согласна с господином Румянцевым – все люди прекраснейшие.

М.С. Горбачев. Мне вчера сказали, что поступили заявления на регистрацию 120.

Е.А. Панфилова. 120! И главное, что все прекрасные, у всех глаз горит, слова правильные. Но только вопрос: что они со всем этим добром делать будут?

М.С. Горбачев. Это серьезный фарш какой-то.

Е.А. Панфилова. И более того, фарш пойдет даже не котлеты, а на какие-то фрикадельки, какие-то совсем крошечные. Не соглашусь с тем, что в этом пересоздании смыслов, ничего, кроме хаоса нет. Сейчас же очень многие говорят, что вот этот хаос породил то, что движение пошло на нет. И тут два главных вопроса и два важных вывода. Кстати, Навальный не просто

почуял, как все это устраивать. Он это очень долго готовил. Я это знаю абсолютно точно. До появления его первого поста в его блоге о коррупции, он год работал над темой, собирал фактуру, разговаривал со специалистами, учился, готовился. То есть это не было, что вот я тут почувствовал веление времени и пошел. Это тоже из числа пересоздания вот этого института доверия. Он искал новый способ, новый язык и ту тему, в которой это можно реализовать.

И отсюда важно то, о чем сегодня кстати пишет Бершицкий. Что вот в общем-то у всего, что осталось, и это реализуется на практике, у этого протестного движения есть три выхода. Первый, это идти в легитимную политику, присоединяться к партиям, участвовать в «круглых столах» каких-то, что-то конституционное собрание. Кто-то это делает. Второе – это френч. Да? Залезть на броневилок, хватать вилы, бежать, свергать, стоять на площадях. Как-то пытаться будировать полунасильственную смену, пускай даже на низовом уровне. И третье – клоунада. Клоунада – это высмеивание власти, всякие ернические программы. То есть делигитимизация и десакрализация даже того, что осталось легитимным и сакральным.

Все три сферы активно реализуются. И в этом смысле все те... Посмотрите, кто поехал в Астрахань: доктор Лиза, Шкуматов и Романовский. Это вообще низовые общественные организации, не имеющие никакой политической подоплеки. Это совсем, совсем гражданское общество. Политики подтянулись чуть позже.

И в этом смысле второй важный вывод. Когда все сейчас бегает и кричат, кто будет новым лидером протестного движения, мне кажется, что это что-то из прошлого, истории – единоличный лидер протестного движения. У этого нового протестного движения будущей политики будет коллективный лидер. И я в этом абсолютно убеждена. Не будет лидера с фамилией, именем, отчеством. И не должно быть, потому что это имеет отношение к прошлому. То, что мы наблюдаем, это имеет отношение к

моему последнему выводу, это совсем новая политика, с которой, к сожалению, мы не очень, те, кто как-то чем-то общественно-политическим занимается в последнее время, не умеем общаться.

Когда я пришла 12 декабря на устроенный – многие здесь присутствующие там были – устроенный Сатаровым, Шевцовой «круглый стол», 12 декабря – это уже после Болотной, вы не представляете, какой шок у меня был, когда я увидела, что мы с Гуриевым(?) там самые младшие из почти 70 человек. При том что на Болотной было огромное количество людей... Кто готовил? Дзядко, Клишин, Файбисович, Пархоменко, Воробьев... Сколько людей! Где они? С ними кто-нибудь разговаривает из вершителей общественного сознания, из вершителей дум? Второй раз вы позвали, все пришли. На второй круглый стол все пришли. Они любят говорить, они хотят говорить, они не идиоты, они не отвергают ничего. Все пришли, все сидели, все разговаривали на втором круглом столе. После того, как нас попросили: а дайте списочек. Мы дали и их позвали, и всё отлично заработало. Это первый. Говорить с новыми лидерами общественного мнения, тем, кто несет общественное знание о том, как бывает, откуда мы растем, что было в 93-м году. Они не знают. Они просто не знают. Они это интуитивно чувствуют, но не знают. И поэтому говорить с ними надо.

Вторая проблема в этой же: скажите, а сколько из нас, из людей, говорили с ребятами, которые в массовом порядке пошли и столь же массово выиграла муниципальные выборы в Москве? Кто-нибудь с ними разговаривал про их политическую платформу?

Те из них, кто у нас выбирались, прекрасно работают, занимаются и самое ужасное, что они постоянно приходят и говорят: где нам поговорить с теми людьми, которые нам расскажут про политическую повестку дня муниципальных реформ? А ведь есть такая. Политическая повестка дня муниципальных реформ. Они приходят и спрашивают: скажите, а где в Москве находится центр, где люди начали уже готовиться к московским

выборам 2013 года? Подходит молодежь и спрашивает: а где вот все эти взрослые политики, которые знают, что мы будем делать до октября-ноября 2013 года? А нет. Это прикладная важная задача, которая ощущается лидерами.

Все хотят, все готовятся. В любом случае это крайне важный элемент повестки дня.

Как видите, я ни слова не сказала по своей основной теме – про коррупцию. Потому что она в центре, она важна, но мне кажется, человеческий капитал, который только нарастает, никуда он не пропал, активно работает на низовых гражданских инициативах самыми разными способами. Тут огромные перспективы и в зависимости от того, как мы им объясним эти новые смыслы идей, зависит то, будут вообще партии, не будут, кто вообще за кем пойдет. Потому что пока главная стена не между идеями, а главная стена между новым поколением, общественно активным новым поколением и носителями знаний про вот те самые смыслы.

М.Ю. Виноградов (*аналитический центр «Петербургская политика»*). Спасибо большое. Пару слов по своей основной теме. Я поправлю Лену Панфилову: в Калининграде «Единая Россия» получила свои 25 процентов, коммунисты – 31. То есть в городе Калининград никаких 45 процентов не было у «Единой России», которая в четырех городах России заняла третье место и в 38 – второе. Ну, я не хотел об этом говорить, просто темы коснулись.

Сегодня, когда возникают дискуссии о состоянии общественного мнения, возникает два, наверное, основных таких нерва дискуссии. Первое. Мы имеем дело с тотальным повторением того, что было 25 лет назад или с какими-то принципиально новыми вещами. Элементов повторения колоссальное количество. Запрос на экологию, борьба с привилегиями чиновников, такие колебания общественной активности и периодов депрессии. Вспомните, май 89-го, февраль 90-го, август 91-го, а между ними

– ощущения бессилия, которые время от времени возникали. Повторяется даже карта, когда происходят события в бывшем новом музее. Удивляют совпадения с точностью до мельчайших деталей. Запрос на людей, вышедших из партии. Мэр Ярославля новый оказался консенсусной фигурой для всех оппозиционных сил. Повторы тоже достаточно очевидны. То есть идет речь о полном повторе, о том, что никакие уроки из событий 25-летней давности не извлечены или забыты или все-таки о новых моментах, когда запрос общества не на хорошую власть вместо плохой, а на создание политических институтов? Я ответа на этот вопрос не знаю, но он сегодня очень интересен и наверное очень интересно смотреть за дальнейшим развитием.

Вопрос второй: кто в итоге побеждает – активное меньшинство или пассивное большинство? Думаю, что вопрос надуманный. Во-первых, у пассивного большинства крайне низки навыки самоорганизации. Я вот был на Фрунзенской набережной на путинском митинге. Другая атмосфера. Люди больше толкаются, меньше трезвых. Просто выпадание такое на первомайскую демонстрацию советских времен. Больше агрессии, меньше вежливости и не рождение какого-то нового содержания.

Второй момент, миф, что протестная акция – они мобилизовали то самое лейвистское(?) большинство. Социология показывает, что отношение было достаточно нейтральным к протестным акциям. Если посмотреть на Москву, я общался с полицией на той же Якиманке, отношение было крайне сочувствующее и симпатизирующее. Испуга не было, просто в части территории не понимали, чего они там выступали, когда и так всё ясно и всё предрешено. Такого не было, на мой взгляд, – мобилизации.

И третий момент, я думаю, что депрессия большинства сегодня гораздо больше, гораздо глубже, чем то разочарование, которое есть у активного меньшинства. В чем проявляется, на мой взгляд, эта депрессия? Первое, ощущение такой общей усталости, как сказали коллеги из ВЦИОМа, никаких

перемен не хотим, но жить так больше не можем. Парадоксальная формула, но на мой, взгляд, существует. Есть кризис ожидания от государства, вернее от того мифа о государстве, которое всё должно, всё сделает. Ощущение, что власть подменили, она не настоящая, потому что она не выполняет те мифические функции государства, которые должны устроить нашу жизнь. Понятно, что утопичность потребительского запроса, консьюмеристского запроса, потому что он никогда не достижим по определению: хочется большего.

Ну и наконец такая размытость образа будущего, когда говорили, что нет четкого запроса о протестующих в Москве, я видел потрясающий пример стихийной демонстрации в Ярославле в вечер после гибели самолета. Толпа молодых людей, несколько сот человек без агрессии, без скорби, жужжанием желая заявить о себе, как будто с вырванными языками, они хотя о себе заявить, но не знают, что сказать. О том, отчасти, было в меньшей степени и, конечно, более цивилизованно было в Москве. Ну, собственно, и власти нет предложения, какое будущее мы строим. И интуитивно понимая ощущение такого тупика, оно сегодня, безусловно, как я видел по социологии, есть и у большинства.

Другое дело, что процесс неравномерен, например, по регионам и одна из интриг сегодняшнего процесса: все-таки усилится дифференциация по регионам, то есть пройдут губернаторские выборы в свободных регионах. Там в Ярославле – одно, в Астрахани – другое, в Башкирии – третье. Потому что Башкирия, наоборот, просыпается, ... и каждую неделю в районах идут митинги. В Уфе идут митинги, чего не было еще полгода назад. Или все-таки федеральный тренд, интерес к федеральной политике, который проснулся в сентябре прошлого года, он окажется более значимым. И процесс такой вот протестной активности будет более равномерным.

По социал-демократическому проекту. В чем я вижу ограничители там? Я потом скажу о позитиве тоже. Ну, во-первых, все-таки левые проекты

воспринимаются в сегодняшней России как проекты упущенных возможностей и лишённые энергетики, лишённые пассионарности, к тому же не опирающиеся на низовую левую активность. Нет в России сильного рабочего движения, нет в России серьёзной забастовочной активности. И он немножко висит в воздухе. Даже в 80-е годы уровень забастовочной активности был существенно выше.

Второй момент – невнятность бренда социал-демократии. Как собственно, вот вчера я был у «Единой России», они обсуждали либеральный консерватизм. То же самое – в мировой политологии слово есть, но эти термины не понятны даже экспертам. Посмотрите на сегодняшнюю структуру Европарламента, его партий. Названия никому не понятные, российскому обывателю ничего не говорящие.

Третий ограничитель. Ну это общий скептицизм, который существует в отношении левых проектов и у сегодняшнего истеблишмента, и у масс-медиа, и многих экспертов. Левые идеи воспринимаются как не очень реализуемые.

Четвёртый ограничитель – часто гиперполитизация людей с левыми взглядами. Часто они не могут говорить ни о чем, кроме как о политике. Возьмите Сергея Удальцова – искренне симпатичный человек, но, выходя из аудитории, он все равно будет говорить только про это. Что, конечно, сегодня является ограничителем при разговоре с избирателями.

Что можно было бы предложить? Я человек, так сказать, скорее либеральных взглядов, но нас же собрали для того, чтобы предложить социал-демократический проект. Есть три варианта. Первый вариант – нежелательно, мне кажется, тупиково играть на неприязни бедных к богатым. На мой взгляд, сегодня бедные скорее мечтают стать богатыми, мечтают принять образ жизни, читают про богатых новости. И этот запрос – стать такими же гораздо выше, чем ненависть, неприязнь, которая проявляется ситуативно, иногда есть просто ярчайшие примеры.

А второй вариант – пугать потенциальных избирателей тем, что их лишают доступа к привычным моментам: доступа к образованию, здравоохранению и так далее. Ну, наверное, можно, но вы тут будете не уникальны, все так или иначе это используют.

А третья тема, которая, наверное, могла бы объединить и большинство и меньшинство. Мне кажется, сегодня в обществе нарастает раздражение возвращением модели, когда продавец важнее покупателя. Такой советской модели: вас много, я одна. Сегодня люди часто говорят: да, нам повысили пенсии, но приходя в пенсионный фонд или куда-то еще, мы видим там хамство, грубость, они не понимают, что мы главнее. Михаил Дмитриев как раз много об этом говорил, про средний класс. Что они привлекли что: им предлагают машины – им предлагают опции, а в политике такого нет. Но мне кажется, – и, на мой взгляд, социология это тоже подтверждает, – что вот это не очень осознанное раздражение тем, что покупатель снова вторичен, а главное – продавец, оно сегодня задевает практически все слои населения. И на этом был бы смысл играть, делать акцент при продвижении социал-демократического проекта.

О.М. Здравомыслова. Вера Альперович, выступлением которой мы закончим сегодняшнее обсуждение, представляет Центр СОВА, который занимается проблемами национализма, ксенофобии. В нашем разговоре о политическом раскладе мы не говорили о той части политического спектра, который представляют националистические движения.

М.С. Горбачев. Значит, у нас спокойно.

О.М. Здравомыслова. У нас спокойно, но все-таки, этот вопрос - серьезный фактор в политике, и он требует внимания.

В. Альперович Я, как узкий специалист, немного расскажу об этом. Мне кажется, довольно показательным, что большинство выступавших говорили о ситуации в целом, очень далеко. А на примере ультра правого движения, просто на его примере, можно просто посмотреть какие-то

основные тенденции, которые в общем довольно четко проявили себя вот в этот оппозиционный период, в предвыборный период и сейчас в послевыборный период.

Насколько я могла услышать из каких-то вот отдельных выступлений, какие-то элементы, присущие ультра правому флангу, можно увидеть и на левом, и на либеральном и так далее. Первое, что хотелось бы сказать, что собственно сама вот эта волна протестов для националистов, как впрочем и для всех остальных, стала большой неожиданностью. И привела в результате к некоторой смене тренда и ориентации в будущем. То, какая будет политическая – не политическая даже, а модель политической борьбы – какая буде националистами выбрана. То есть, если до, собственно говоря, этих выборных процессов, до этих акций – на Болотной, на Сахарова – националисты в первую очередь ориентировались на то, что произойдет что-нибудь, аналогичное Манежной площади. Но придет туда не три тысячи человек, а желательно, чтобы что-нибудь типа трех миллионов, и эти три миллиона посбивают зубцы с Кремлевской стены. То есть, в общем, в первую очередь на силовой захват, даже если речь идет не о захвате, а о таком сильном давлении на власть массами вот таким вот образом.

После массовых митингов националисты очень сильно на них выиграли, они очень сильно подняли свой личный статус, благодаря этому процессу. Потому что фамилию Крылов или Белов большинство обычных людей не знало раньше, не знает, правда, и до сих пор, но все-таки количество знающих о них несколько выросло. И сегодня эти люди уже ориентируются на такой вот тип, они уже надели галстуки, они пытаются изображать из себя очень таких националистов европейского типа, цивилизованных. При этом у них, правда, возникает некоторый диссонанс. Как только они пытаются проводить все какие-то собственные акции, к ним приходят натуральные неонацисты, которые начинают орать матом, бить людей, встречающихся им на улице. От них прохожие прячутся по

подворотням, потому что они несколько не соответствуют образу. Но, по крайней мере, совершенно четко появился запрос на то, чтобы обратиться к среднестатистическому обывателю. И говоря, кстати, о левых партиях, что, в общем, националисты явно составят какую-то конкуренцию в будущем левым проектам, потому что они в общем точно так же используют у себя и опираются и на демократические принципы. То есть любого националиста сегодня послушать, там Дмитрия Демушкина, несмотря на то, что у него гигантская свастика наколота, он весь такой борец за права человека, весь такой демократичный, за свободу слово.

Мужской голос. За русского человека.

В. Альперович Да, проблема только в том, что за человек он считает не всех, к несчастью, видимо. Но это так не афишируется открыто. И в общем они действительно пытаются обращаться к среднестатистическому россиянину. Сегодня уже среди этих 120 партий существенный процент составляют партии националистического и околонационалистического толка. И в регионах уже началась такая местная битва за мелкие националистические организации, которые в данном конкретном регионе как-то себя проявили. И начинается действительно какой-то политический процесс, конечно, его как-то сверху не очень видно, но по регионам он пошел. Пытаются все время эти партии, которых там безумное множество, открывают там какие-то свои представительства, набирают людей, проводят акции. Каким-то образом шевелят. Все время в этом муравейнике палкой шевуршат. И собственно как бы это шевуршение оно во многом, возможно, придало энтузиазма декабрьским событиям. Конечно, говорить о том, что какая-нибудь партия Крылова или партия профессора Соловья (он тоже создал тут национал-социалистический проект), сменит «Единую Россию» в парламенте – это, конечно, вряд ли. Но расшебуршить народ она может. Поднять людей, как-то заразить этой идеей они, по крайней мере, будут пытаться. Эта их активность – это результат общественной...

Я вообще, если теоретически, то я конечно гораздо большей степени выступаю за то, чтобы господин Соловей выступал на митингах, а не пытался на БТРе таранить Кремль.

Но в общем, как бы, если это будет в каких-то рамках цивилизованных, то почему бы нет. С другой стороны, мне, например, не очень было часто понятно, что националисты делают на этих оппозиционных митингах. Националисты – они вообще в принципе националисты, не как представители идеологии, а те конкретные люди, которые выходили на сцену. Потому что на самом деле, по-хорошему, господин Белов или господин Крылов никого не представляют. Потому что те сторонники, которые у них есть, они их терпеть не могут, зовут их очень нехорошими словами, которые не хотелось бы повторять в этой приличной аудитории. А те, которые у них могли бы быть, они вообще их не знают – это кто такие? И потому кто кого представляет – совершенно непонятно. Но при этом они очень активные были ребята, очень активно прорывались в структуру управления, особенно московскими митингами, заключали союзы, какие-то новые структуры поверх наворачивали. И благодаря активности сегодня эти люди считают себя незаслуженно, на мой взгляд, такими главными националистами. Это отрицательный, на мой взгляд, результат. Если говорить именно о националистах.

Но, в целом, такое политическое оживление, безусловно, всегда хорошо. И то, что сегодня и националисты, и не националисты идут в полезные и не очень полезные, в крупные и не очень крупные государственные должности, пытаются участвовать в выборах, это, безусловно, говорит о том, что ситуация как-то начинает меняться. Потому что до этого все тихо спали и глаз не открывали совсем.

Еще отдельно хотелось бы сказать про господина Навального. Мне просто этот факт надо зафиксировать, что господин Навальный – он не левый. То есть его каждое движение записывает в свои. Либералы кричат:

смотрите, он наш! Он за демократию, за права человека. Левые говорят: он наш. Он такой борец с крупным капиталом.

М.С. Горбачев. Это же политика.

В. Альперович Да. А националисты-то, конечно, считают его своим и с удовольствием приглашают его на русские марши.

Мужской голос. Это как Путин.

В.Альперович. Да. Навальный – это тоже пример такой, как путинской метаидеологии. Он везде свой. Где-то, частично. А частично, в общем, его все как-то немного недолюбливают. Ну большинство. Либералы видят в нем националиста, националисты – либерала. И что-то вот все время пытаются к нему как-то... Но я бы не стала называть его однозначно левым. И как-то куда-то пытаться...

Мужской голос. А кто его левым называет?

В. Альперович. Кто-то назвал его.

Мужской голос. Ни один левый Навального своим не считает.

В. Альперович А по поводу левых, у меня я бы сказала, «реплика из зала». Как человек, ничего не понимающий в левом движении, я могу сказать, что у меня в голове сложился образ, с которым, мне кажется, левым надо как-то побороться. То есть, вот, левый на Западе – это такой симпатичный человек, с каким-нибудь пирсингом в интересном месте, который не ходит с кожаной сумкой – борется за права животных, за экологию и не покупает стиральный порошок у «Тайда», потому «Тайд» очень сильно загрязняет окружающую среду или как-то нехорошо увольняет своих сотрудников. Ну, в общем, такой человек мне представляется.

Левый в России – это человек, который громко кричит: мне пенсию, и пособие, и по бездетности, и по детности, и да третьего ребенка, и за первого, и квартиру бесплатно! Дайте всего, и побольше! Это такой вот совершенно несамостоятельный, патерналистский, среднестатистический российский

гражданин. И с этим образом левой партии, если таковая будет, определенно придется бороться.

Мужской голос. Вы на самом деле описали просто электорат «Единой России».

В. Альперович. С одной стороны, я скорее описала ампиловских бабушек.

Мужской голос. Это не левые... То, о ком Вы сказали, они за Путина и за «Единую Россию».

В. Альперович. И за КРПФ тоже.

Мужской голос. И за «Справедливую Россию».

В. Альперович Также и патриоты, которые рвут на себе тельняшку за Родину и за мать, они тоже голосуют за «Единую Россию» и за КРПФ, и за ЛДПР и вообще тоже за всех подряд. У нас нет четкого деления электорального, вот таких электоральных ядер, мне кажется. И левым надо как-то побороться за молодежь...

О.М. Здравомыслова. Спасибо всем участникам за интересный, содержательный разговор. Было сказано много - вроде знакомого, но и неожиданного. Большое спасибо всем.

М.С. Горбачев. В сегодняшней дискуссии я почувствовал, что очень внимательно надо отнестись ко всему, всей этой проблематике, которая должна быть обсуждена и в связи с социал-демократическим проектом. Спасибо вам. Я думаю, эти вопросы – они только начинаются.